

КРОКОДИЛ

ПОБЕДЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

№ 13 • МАЙ 1975

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В воздухе вновь гвардейская эскадрилья!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

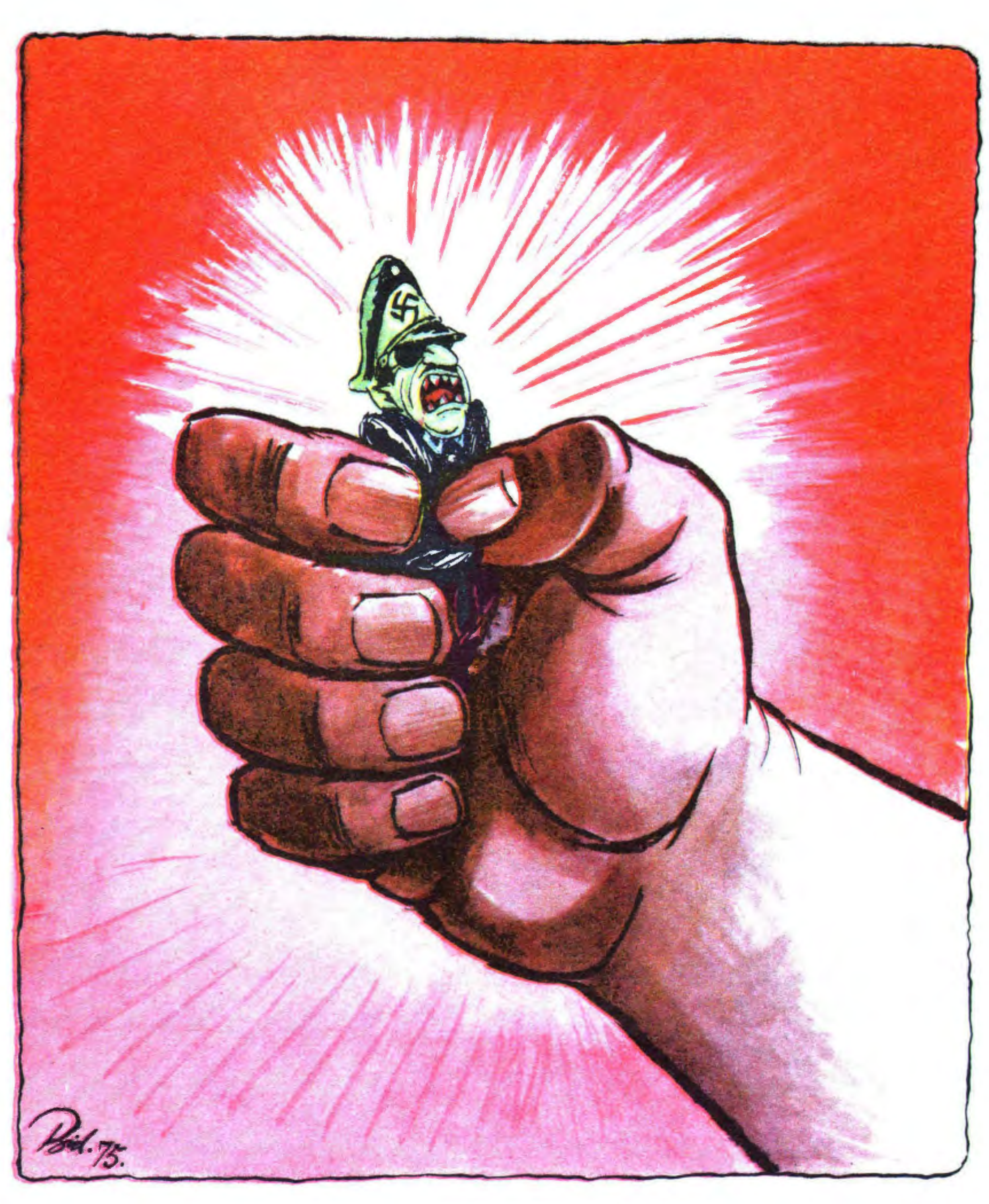

Рисунок Херлуфа БИДСТРУПА (Дания)

СИЛА УЛЫБКИ

С чего началось это утро, теперь удалившееся от нас на солидную дистанцию, обозначенную тридцатью годовыми вехами? Началось ли оно с импровизированных, неуставных салютов? Или с уличных манифестаций, тоже возникших стихийно? Может быть, в эти утренние ранние часы из чьих-то глаз брызнули слезы, и кто-то как клятву прошептал имена близких, сложивших головы за тот ранний и ясный майский рассвет и не увидевших его?

Все это было, конечно, в то памятное утро, не могло не быть. Но есть один общий признак, по которому оно запомнилось фронтовику и труженику тыла, подростку и человеку в годах. И если собрать вместе, к примеру, сотню живых свидетелей и спросить, чем им запомнилось то утро, девяносто наверняка скажут «Люди улыбались».

Сброшенный на землю флаг с паучьей свастикой валялся в грязи и пыли. Резвый весенний ветер швырял в разные стороны обгоревшие бумажки — жалкие остатки законов, установлений и инструкций «тысячелетнего рейха», по которым должны были рождаться, жить и умирать миллионы рабов на завоеванных тем же рейхом необозримых жизненных просторах. А его когда-то грозная сила — «тигры», «фердинанды» застыли безжизненной грудой металла, мимо которой нескончаемой колонной понуро брели несостоявшиеся сверхчеловеки. Пала с лица Европы страшная, удушающая маска коричневой чумы.

Люди улыбались.

Воины еще находились на огневых позициях, батареях, в танках, у штурвалов самолетов. Руки бойцов, привыкшие к опасному ратному труду, еще сжимали автоматы, тяжелые от туго набитых патронами дисков. Но бойцы знали: стальная пружина не погонит в ствол автомата смертоносную очередь и больше уже не раздастся ни одного выстрела. Они еще были одеты в гимнастерки и шинели, их окружал привычный походный быт, но в мыслях солдаты были уже далеко, далеко... Они твердо знали, что их нынешнее армейское вещдовольствие — последнее, что им его уже не износить,— и гимнастерки, и шинели скорее всего поступят в распоряжение детворы, а потом станут заботливо хранимой семейной реликвией...

И ветераны жестоких битв улыбались.

Еще лежали в руинах города и села, многим приходилось ютиться в землянках, в выстуженных за четыре нетопленных зимы сырых каморках. И даже в то памятное утро за праздничный, торжественный стол вместе с семьей села пайковая нужда. Еще надо было выстаивать длинные очереди за хлебом, считать каждый кусочек сахара и мириться с тем, что заполучить новую рубашку или платье — немыслимая роскошь. Все так и было, но каждый знал: на многих лишениях и тяготах можно ставить жирный крест. Народ, пришедший с полей сражений, вернувшийся к мирному труду, залечит раны войны и создаст жизнь, полную изобилия, благополучия и красоты.

Труженики нашего героического тыла ясно видели будущую мирную жизнь и улыбались.

Можно понять эту улыбку, если поближе узнаешь душу народа, проникнешься величием его духа. Он никогда, даже в дни самых тяжких испытаний, не терял веры в правоту великих ленинских идей, в торжество правды и разума, в победу свободы и справедливости. Отсюда его презрение и бескомпромиссная ненависть к врагу, здесь неисчерпаемый источник мужества и оптимизма. Раздавив фашистскую гадину, он сделал это не только во имя защиты своей Родины от нависшей над ней смертельной опасности, но и следуя нравственному долгу перед всем свободолюбивым человечеством.

Улыбнулся в то утро советский человек, и ему ответили благодарной, теплой улыбкой поляк и француз, бельгиец и чех. Зацвели улыбки на всех широтах и меридианах — в Америке, Азии, далекой Африке. Великий черный континент еще был под пятой колониализма, но африканцы знали: раз покончено с одной из гнуснейших тираний современности — фашизмом, значит, сочтены дни и колониальных владык. Весь мир ощутил могучее дыхание новой эры, провозглашенное последними залпами советских орудий у стен Берлина. И напрасно пыжатся нынешние западные фальсификаторы истории, пытаясь найти какие-то оправдания для битых фашистских полководцев. Нет, не генерал Зима, и не армия Распутица, а могучая рука советского бойца разнесла в клочья гитлеровскую военную машину. И тогда рухнул «новый порядок», тогда миллионы бывших узников фашизма впервые за долгие годы полной грудью вдохнули пленительный воздух Свободы.

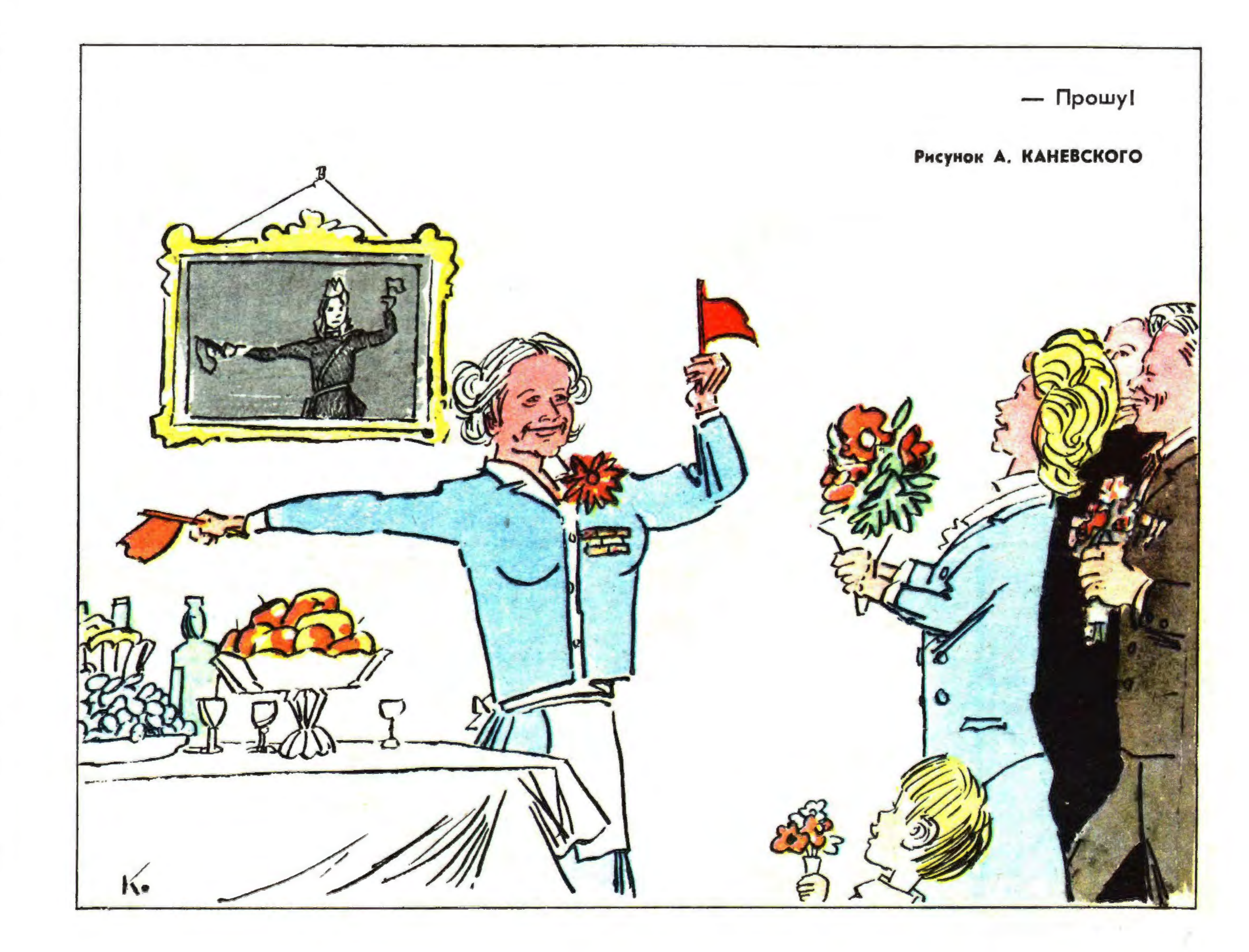
В памятное далекое утро чувство общности, сплоченности людей шло от сердца к сердцу, ликование, радость, восторг — от улыбки к улыбке. Такой поистине чудодейственной, волшебной силой обладали в то историческое утро радость и улыбка.

Потому что это были радость и улыбка Победы.

— Где-то здесь была наша землянка...

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Прошу!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Вадим ПОЛУЯН

ПАМЯТЬ

Сегодня заурядно тихий вечер,
Не удивителен невозмутимый воздух,
Покой привычен, будто был он вечен,
И небосвод не в бомбовозах — в звездах.
Завидуй молодым: их день успешен,
Их крепкий сон не тягостен, а ласков.
Труднее людям, постареть успевшим:
Им снятся сверстники в пробитых касках,
Ночами пушки бьют, ракеты реют,
Стена огня идет
на лес, на луг, на сад...
Стареют люди — память не стареет
О тех, что не вернулись
тридцать лет назад.
Треть века, тридцать лет,
свои, родные, кровные,
Те люди подарили нам с тобой.
Ведь это же при них:
«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!»
Нас многих не было.
Ведь это все при них:
И аспирант к орудию приник,
И школьница от огневых оглохла точек,
И голодала мать, чтоб сыновей сберечь,
И... «Скромненький синий платочек
Падал с опущенных плеч».
И... Тридцать лет!
Те пушки устарели.
Те танки списаны.
Сдан автомат в музей.
А в скольких семьях ордена осиротели!
А как редеет переписка тех друзей!
Да, время новое светло и велико,
А песня старая свежа и дорога:
«До тебя мне дойти не легко,
А до смерти четыре шага...»
«Со смертью нас война знакомит,
точно сводня»,—
Писал солдат.
В окопах и в огне
Он, весельчак, смеялся.
Но сегодня
Сын без улыбки скажет о войне.
Кто знает боль потерь! Чьи семьи!
Крикни: «Встаньте!»
И встанет столько нас — не перечесть!
За двадцать первый век историю
листайте —
Ее и нет еще, а наша боль в ней есть.
Боль за войну и радость за Победу.
Все тридцать лет храним мы радость эту.
Хранит мальчишка звездочку
полковничью
И слышит среди мирной тишины:
«Просыпаемся мы,
и грохочет над полночью
То ли гроза,
То ли эхо прошедшей войны».
Нам не представить той свинцовой жути,
Но, помня всех, чей день так рано смерк,
Мы скажем мысленно, когда смеемся,
шутим:
Спасибо им за нынешний наш смех!

Тогда, в эти дни...

В. КАРБОВСКАЯ

ЖДЕМ САЛЮТА

Может быть, в этот ранний час Маршал Советского Союза Жуков спокойно брился перед маленьким походным зеркалом? Может быть, маршал авиации Теддер не спеша ел свой первый завтрак, который по-английски называется «брекфест»?

И, может быть, в это же время Кейтель ходил взад и вперед по комнате, специально ему для этого отведенной, и нервно обдумывал, как подписывать капитуляцию: с маршальским жезлом, поднятым вверх или опущенным книзу?

Что же касается Ивана Петровича из нашего дома, что в Замоскворечье, то Иван Петрович как раз в этот самый час объявил категорически:

— Подписывают! Из достоверных источников.

Дело было 7 мая. Иван Петрович даже рассчитал:

— В общем, в 12 часов ждите салюта!

Однако авторитет Ивана Петровича был непоправимо подорван. По радио передавали сонату.

Теперь с надеждой и упованием смотрели на Любочку Зарецкую. Все же знают, что в нее влюблен раненый летчик Алмазов. А летчик сказал коротко и ясно:

— Это будет.

Тогда дедушка Захар Павлович сказал лучше всех:

— Я три года, десять месяцев и шестнадцать дней твердо знаю, что это будет. А теперь мне час подайте! Я хочу знать, в котором часу.

В общем, это был не понедельник, а сплошное нервное переживание. Воистину понедельник этот был тяжелым.

Во вторник, 8 мая, люди ходили какие-то странные. На некоторых лицах было ясно написано: «Знаю, но не скажу!»

А радио?! Вдруг во время очередного концерта — пауза... Сколько миллионов глаз обращено было к репродукторам, даже невозможно себе представить! И внезапно после паузы:

— «Соловей» Алябьева!

Ждали в 5 часов...

Ждали в 7...

Ждали в 9...

Уговаривались запомнить и рассказать, за каким делом застанет каждого сообщение. Постепенно затихали в своих комнатах.

У Зарецких задержался летчик Алмазов. Во-первых, у него на лице было четко написано: «Я что-то знаю!» А, во-вторых, он тихо сказал Любочке Зарецкой:

— Люба, когда кончится война, вы мне ответите на один вопрос...

Посреди ночи раздались слова:

— ПОДПИСАНИЕ АКТА О БЕЗОГОВОРОЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ...

Вы помните? Целовали всех подряд, кричали «Ура!». Звонили сами и в промежутках отвечали на чьи-то звонки. И если набирали не тот номер и попадали не туда, все равно поздравляли и обнимали по телефону.

Позднее собрались у Зарецких и делились впечатлениями. Мама-Зарецкая растроганно сказала:

— Я только что поднесла ко рту эту булочку, а оно как заговорит!

А через пять минут оказалось, что дедушка Захар Павлович под рюмку водки эту булочку нечаянно сжевал! Пришлось незаметно подсунуть другую, чтобы мама не расстроилась.

Летчик Алмазов сказал взволнованно:

— Люба, война кончилась. Но то, о чем я хотел вас спросить, я лучше спрошу завтра. А то вы мне омрачите счастье, если ответите «нет».

— Ой, нет, я вам отвечу «да»! — прошептала Любочка.

Весь наш дом лег спать только часов в пять. А ровно в шесть поднялся невообразимый шум. Кто-то бегал по коридору и кричал торжествующим голосом:

— Вставайте! Просыпайтесь!! Как можно спать?! Победа! Ведь я же говорил!

Это был Иван Петрович. Не понимаю, как мы ночью позабыли о нем? А он спал. А теперь проснулся. Но все равно его тоже обнимали и объясняли ему все своими словами. Потому что приятно было видеть человека, который еще ничего, решительно ничего не знает, как новорожденный младенец!

И в конце концов что ж такого, что наш дом в эту ночь спал только один час? Приятно было проснуться в комнате, в доме, в городе, в стране, куда в эту ночь, 9 мая, вошла Победа!

1945 г.

Этот плакат появился на улицах Ленинграда 25 июня 1941 г. Его авторы — художники «Боевого карандаша»

Очерк «ДОВЕСОК К БЛОКАДНОМУ ПАЙКУ» читайте на стр. 8

МЫ ИДЕМ ПО БЕРЛИНУ

Бор. ЮДИН

Из всех орденов и медалей — реликвий войны моему внуку Ромке, которому в торжественные дни разрешается потрогать их руками, больше всего по душе медаль «За взятие Берлина». Осмотр неизменно заканчивается небольшим интервью:

— Деда, расскажи мне, как ты взял Берлин?

И в который раз я снова объясняю ему, что эта сложная операция была мне одному не под силу, и поэтому в помощь мне были приданы много соединений, частей, воинских подразделений, в числе которых и 3-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта.

ТРИ ДАТЫ В КАЛЕНДАРЕ

16 апреля началась битва за Берлин.

30 апреля над куполом рейхстага взвилось Красное знамя.

2 мая берлинский гарнизон сложил оружие.

Великие, знаменательные даты!

Четвертая дата почему-то осталась незамеченной. А между тем именно в этот день, 3 мая, два молодых гвардии майора, два военных корреспондента редакции 3-й гвардейской армии, я и мой друг Николай Грибачев, легко ворвались на трофейном «спель-капитане» в Берлин.

Последние две недели мы мотались по частям и подразделениям участников решающей битвы, нанюхались пороху и исписали свои блокноты. И на газетной полосе шли заметки, зарисовки, молниеносно взятые интервью, стихи и песни.

А сегодня мы были уже в поверженном Берлине.

Победа! Вот она, совсем близко. Мы ощущали уже ее горячее дыхание. До нее оставалось только шесть дней и ночей.

Еще не вышли на экран бесценные кадры кинохроники, еще не выбрались на оперативный простор из чернильницы слова песни «Едут, едут по Берлину наши казаки», а они уже ехали по Берлину. Правда, ехали не только лихие казаки, но и танки, орудия, грузовики, шагала матушка-пехота. Из многих окон и с балконов свешивались белые полотнища. Судя по параметрам, использовано было все — от двуспальных пододеяльников до младенческих пеленок. Несмотря на капитуляцию берлинского гарнизона, некоторые предусмотрительные жители тем самым докладывали, что их семейство также не будет контратаковать советские войска.

Оставив машину с водителем, ефрейтором дядей Сашей, недалеко от имперской канцелярии, мы отправились в пешем строю на Унтер ден Линден — Аллею под липами — одну из лучших улиц Берлина. Правда, сейчас украшавшие ее «линден» были поломаны и покорежены, стены домов носили следы свинцового дождя.

А по улице двигался в обе стороны поток людей. Женщины с детьми толкали детские коляски с какими-то узлами. Чинно шествовали усатые старики берлинцы. Некоторые, явно не разбираясь в политической обстановке, делали рукой «хайль». Солдаты смеялись. Инцидентов не было.

— Что это там? — удивленно спросил мой спутник.— Посмотри, вроде чечетку отплясывают.

Впереди нас происходило что-то странное. Солдаты, нарушив линию продвижения, делали крюк в сторону и, потоптавшись на месте, снова возвращались на старые позиции. Мы подошли поближе. Все было очень просто. Кто-то выбросил на улицу портрет Гитлера. Узнать, что это именно Гитлер, можно было только по характерным усикам и челке. Конечно, топтать Гитлера после того, как уже растоптана фашистская Германия, с военно-стратегической точки зрения было излишеством. Но бойцы не могли отказать себе в этом маленьком акте возмездия, сопровождая его некоторыми лаконичными репликами.

Поборов искушение, мы миновали бумажные останки господина Шикльгрубера и пошли дальше.

Впереди были Бранденбургские ворота.

И ВОТ — ВСЕ НАОБОРОТ

В этот день Бранденбургские ворота утратили свое назначение исторического памятника. В этот день у Бранденбургских ворот раскинулось огромное фотоателье под открытым небом. Владельцев фотоаппаратов рвали на части. Снимались во всех вариантах и сочетаниях. Все признаки субординации были нарушены. Ефрейторы снимали полковников. Генералы щелкали затворами, нацеленными на младших сержантов. Потом они снимались вместе — на память. Звания и должности значения не имели — снимались победители.

Мы с Николаем тоже запечатлели друг друга и собрались шествовать дальше (несколько интервью уже были записаны в наших блокнотах), но остановились, услышав хрипловатый голос немолодого старшины. Это был классический старшина, при усах пшеничного цвета, какие были обязательными для председателя колхоза в довоенных фильмах.

Громко, чтобы все слышали, старшина огласил только что сочиненный экспромт:

— Мечтали фашисты сняться в Москве у Красных ворот. А мы будем на фото у Бранденбургских ворот. Так что, вот — вышло все наоборот.

Стихи понравились. Автора приветствовали одобрительными возгласами и аплодисментами.

«КАТЯ, МЫ УЖЕ В БЕРЛИНЕ!»

— Вот он! — вдруг воскликнул Николай.— Вот он, рейхстаг!

Я и сейчас не помню его архитектуры: что-то большое, серое, окутанное дымом. Рейхстаг еще горел. Мы, как и все, смотрели, не отрывая взгляда, на купол, где возвещало нашу победу ставшее одной из самых бесценных реликвий Великой Отечественной войны Красное знамя. Отсюда оно выглядело совсем небольшим, но, кажется, его уже видел весь мир.

Это свершилось вчера. А сегодня рейхстаг снова атаковали. Никто не стрелял и не кидал гранат. Это был мирный, но темпераментный штурм цитадели.

Неизвестно, кто первый запечатлел свой автограф на стенах рейхстага, но через минуту это превратилось в массовое действо, в котором никто не мог себе отказать.

Писали всеми техническими средствами — отковыренной известкой, обугленной головешкой, царапали гвоздями... «Проклятье фашистам! Да здравствует Красная Армия!», «Катя, мы уже в Берлине! Ура! Сережа». Были надписи и не слишком деликатные — посвященные Гитлеру или Геббельсу...

Я застал Николая сидящим на ступеньках с задумчивым лицом и глазами, полными вдохновения. На коленях у него лежал блокнот.

— Ты что сочиняешь?

— Стихи. О победе.

— И много написал?

— Много. Одну строку... «Обнимемся, солдат,— окончена война».

Шесть дней спустя, когда пришел час Победы, мы читали эти теплые, исполненные гордости и радости строки:

Мы слышим шум торжеств и мощный гул салюта,
Как солица луч, в сердца летит благая весть.
Да, враг наш был силен, да, он сражался люто —
Тем краше праздник наш, тем выше наша честь.

Окончена война, обнимемся, солдаты,—
Наш подвиг завершен, и долг исполнен наш.
Плывет над нами день, шумя листвой крылатой,
По тысячам дорог гремит победный марш,
Он песнею войдет в иные времена...
Обнимемся, солдат,— окончена война.

ХЕЛЬМУТ ЕСТ РУССКИЙ СУП

Мы возвращались к месту, откуда начали свой путь по Берлину, другими дорогами. Позади остались Александерплац, Тиргартен, еще какие-то «штрассе» и «гассе». И вдруг увидели очередь. Очередь в Берлине? Зачем? Подойдя поближе, мы с некоторым удивлением обнаружили в голове очереди — а стояли в ней цепочкой преимущественно женщины и дети — знакомые очертания полевой кухни. Состоящий при ней ротный повар разливал в миски горячее варево. И вручал стоящим в очереди вместе с ломтем хлеба и алюминиевой ложкой.

Белобрысый мальчишка отделился от очереди. У него были голубые глаза. Он подошел к нам и потрогал руками кобуру пистолета, висевшего на боку у Николая.

— Хельмут!— закричала худая женщина, видимо, мать мальчишки. — Хельмут! — Она подбежала и схватила его за руку.

— Заен зи руиг, майне фрау, — успокоил я ее. Да, она могла быть спокойна. Это советские солдаты были в Берлине, а не фашистские — где-нибудь в Киеве или Минске. Ее Хельмуту ничего не угрожало.

— Кормишь? — спросил Николай повара.

— Кормим, товарищ майор.

Да, покорение Европы гитлеровцами не состоялось. И сын одного из неудачливых «покорителей», белобрысый Хельмут, отправился есть русский суп. Бравый повар, наполнив миски, балагурил: «Бери брот, клади в рот». Я понял, что в этот день говорить прозой было невозможно.

ГЛОБУС ТЕПЕРЬ ВРАЩАЛСЯ ПРАВИЛЬНО

Мы застали нашего водителя дядю Сашу там же, где он выразил желание посидеть в холодочке.

— Ну, як у том рейхстаге? Як наше знамья?

— Стоит, дядя Саша. И такое красное, аж глаза режет. Мы пойдем в имперскую канцелярию. Посмотрим. Может, пойдешь?

— Так я уже был там. Нычего особенного нема.

И верно, ничего интересного внутри мы поначалу не обнаружили. В пустых комнатах валялась поломанная мебель. Над высокой дверью висел на одном крыле орел со свастикой. Ворох каких-то бумаг валялся на полу. Было холодно и противно.

Последней была комната, которая, видимо, служила кабинетом фюрера. И тут... тут мы увидели на столе глобус. Это был очень большой глобус, специально сделанный для Гитлера, на котором он удобно прослеживал будущее великого рейха, исчезновение с лица земли неугодных ему государств и народов, их населяющих, глобус — модель земного шара в гитлеровском варианте. Сколько раз Гитлер вертел его, легко проглатывая земли, страны, народы... А теперь глобус одиноко стоял, лишенный бесноватого хозяина, о котором осталась на земле черная память.

— Ребята!.. Смотрите — глобус самого Гитлера.

Нас окружили солдаты и офицеры. Всем хотелось хоть разок «вертануть» глобус, который раньше вертел только Гитлер.

— Куда вертишь? — остановил молоденького лейтенанта Николай.— Это он, небось, сюда вертел. А мы...

И мы раскрутили глобус. И радовались. И смеялись. И гордились. Земной шар в одну двадцатимиллионную натуральной величины, словно предопределяя судьбы народов, спасенных от гибели, вертелся в ту сторону, куда развернули его солдаты Советской страны.

«ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЙ ИЗВОЗЧИК»

Поначалу знатный ветеран-летчик, командир корабля В. П. Гордеев был просто неуловим, и я понял, каково приходилось «мессершмиттам», неоднократно (а точнее, триста пятьдесят пять раз, по количеству боевых вылетов Гордеева) охотившимся за прославленным советским асом... Он был подобен некоему воздухоплавательному Фигаро: нынче здесь — в Заполярье, завтра — там, в странах Африки и Азии.

Наконец знаменитый летчик сам позвонил мне по телефону из Внуковского аэропорта.

— Владимир Петрович! — обрушил я на него заранее обдуманный первый вопрос.— Расскажите читателям «Крокодила» о каком-нибудь забавном, смешном эпизоде, происшедшем с вами во время Великой Отечественной!

— Я так и знал,— вздохнул Владимир Петрович.— Ну что же, надо учитывать специфику вашего журнала. Но я вам скажу: на войне все было как на войне. И мало в том забавного, или смешного, или, если хотите, комического...

Признаться, я несколько пал духом. Впрочем, В. П. Гордеев тут же меня утешил, заявив, что ведь и смех — дело серьезное, не так ли? А смех на фронте звучал, причем по широкому диапазону. Был он гневный и издевательский: это когда смеялись над врагом. Был он также домашний, что ли, когда смеялись над собой, над друзьями.

— С особым удовольствием смеялись,— сказал Владимир Петрович,— когда читали наш родной «Крокодил»... А иногда, правда, бывал и смех, я бы назвал, нервический...

— Что вы называете нервическим смехом?

— А это произошло под Вильнюсом, точнее, над ним. Кутерьма творилась страшная, и летчики с трудом разбирали, где свои, а где чужие. Вез (или, если угодно, нес) я десантников. И вдруг нам в хвост пристраивается воздушный корабль. Неразбериха жуткая, тьма, видимость сквернейшая. Я ухожу от преследования, думаю: ушли. А тот идет точно вслед. «Что ж ты не стреляешь, гад?»—кричу я... А боекомплект у меня вышел, и рубануть фрица тараном не могу: на борту — десантники-братишки... Тот вроде бы исчез. Ну, сбросил я своих, пошел домой, а тот снова привязался... летит... Только на аэродроме выяснил, что летел наш парень-новичок и у него рация вышла из строя. Решил использовать меня в виде компаса! Вот я и посмеялся...

Да, не только этот неожиданный эпизод вспоминается Владимиру Петровичу. Случалось и значительно пострашней. Так, доставлял он боеприпасы конному корпусу генерала Плиева. И летать приходилось не ночью, а полный световой день, причем именно по двенадцать часов ежедневно... Словом, смешного действительно не только мало, а даже ничего. Зенитки и вражеские истребители при хорошем, экранном освещении не предмет для юмористики.

До конца войны бил Владимир Петрович фашистских стервятников, налетевших на отчий край. Я спросил Владимира Петровича, как он стал «воздушным извозчиком».

— Случилось это совсем как в одноименной картине, где играет превосходный актер Михаил Жаров. Я «воздушным извозчиком» начал работать сразу после войны... На каких только машинах не летал!.. А теперь вот который уже год пилотирую одну из самых замечательных — ИЛ-18. Летать люблю. Иной жизни, кроме летной, себе не представляю.

— Ваше семейное положение, товарищ Гордеев?

— Женат. Давно и преданно. Кроме того, могу ли я сообщить вам на ухо? Еще я стал как бы... Ах, да не как бы, а именно дедушкой. Внук Андрей у меня, должен вам сказать, отборный. Уникальный. Такой, как у всех без исключения дедушек... И знаете (я это, понятно, не себя имею в виду), не представляю себе красивей картины, чем та, что увидел как-то в воскресенье. Идет, стало быть, по улице весьма молодой, хоть и седой, дед, с военной, бравой выправкой и тащит за руку двух внуков. И куда он их тащит, неизвестно, в кино ли, в зоопарк... Только я деда узнал. Оказался он знакомым с войны храбрейшим пехотным генералом. Обрадовались, разговорились. Жаль только, что пиво продается подчас как-то неорганизованно... Вы это тоже можете упомянуть в репортаже. Так-то. Конечно, лишнего не подумайте. Я убежденный трезвенник, хотя и не ханжа в этом вопросе.

— Заходите,— широко улыбаясь, сказал в конце беседы Владимир Петрович.— Полетаем вместе. А?

Я не отказался. С таким никакая высота не страшна.

Вл. МИТИН.

СОЛДАТ ВСЕГДА СОЛДАТ

Он был просто солдат. Рядовой. Самый обыкновенный.

Он показал карточку. Пожухлую, как и все старые снимки. С фотографии недоверчиво глядел подстриженный «под бокс» парень с редкой порослью на верхней губе.

— Это я в тридцать девятом.— Он засмеялся и по-отечески посмотрел на себя молодого.— В медицинском техникуме тогда учился. Стихи писал! Все в таком военно-романтическом духе: «ратные подвиги», «карающая сталь»... Это время было такое: пахло порохом! Многие хотели стать военными. И я, конечно, об армии мечтал. Хотел совершить какой-нибудь великий или просто выдающийся подвиг. Но когда на будущий год проходил призывную комиссию, меня забраковали. Представляете? Я три ночи спать не мог от огорчения. Все стихи свои военные порвал, как идеалистические и не соответствующие жизненной правде.

Он стал солдатом осенью сорок первого, когда враг рвался к Москве.

И в окрестности столицы он попал. Правда, не той. Это были окрестности Йошкар-Олы, столицы Марийской АССР, где он проходил военную подготовку. Снова чуть было не взвыл от огорчения: рвался на передовую, а дорвался до глубокого тыла. Но, по счастью, подготовка прошла быстро. С учетом его специальности он стал фельдшером танкового батальона.

Потом было участие в наступлении. Потом — госпиталь.

— Да, снова я попал в тыл... Но вот поправился и получил назначение в медсанроту пехотного полка. Там я предстал перед главврачом. Главврач сказал: «Нужны мне командиры санитарного взвода. Но тебя я командиром не назначу. И не потому, что ты рядовой, а потому, что специфики нашей пехотной не знаешь. Ты ведь танкист». «Танкист. Был. А в душе всегда мечтал стать пехотинцем. Это у меня наследственное. Мои деды, считая от восьмого колена, сплошь служили в лейб-гвардии». «Возможно,— ответил главврач,— но тогда была другая специфика». И я остался рядовым при полковом санитарном пункте. Но должность командира взвода не давала мне покоя. И судьба предоставила еще один случай. В полку начали издавать рукописный журнал. «Вот оно, счастье,— думал я, вспоминая прежний литературный опыт.— Надо зарифмовать все свои знания, начальство это прочтет и увидит, насколько тонко я владею спецификой пехотного дела!» Сказано — сделано. Я сочинил два стиха. Первый — о необходимости развития снайперского движения, второй — о методах создания неприступной обороны. После того, как стихи появились в журнале, меня вызвал к себе главврач. «Ты писал?» — спросил он. «Так точно!» «Да знаешь, кто ты после этого есть?» «Кто?» «Талант! Самый настоящий талант! Мы тебя беречь должны!» И я был направлен в армейский госпиталь для повышения своей санитарной квалификации...

Впереди у него лежали долгие годы войны. Он прошагал до самого Берлина.

Да, неисповедимы пути простого солдата. В мае 1944 года он стал сражаться в составе первой пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко. Вместе с польскими товарищами.

— Помню, как однажды попал к нам во взвод паренек лет семнадцати. Тщедушный такой, в очках, весь усыпанный веснушками. «Как тебя,— спрашиваю,— зовут?» «Фелек»,— отвечает. Начал он стихи читать, конфедераткой размахивает и декламирует из Мицкевича:

У древних нам учиться —
Не в книжном прахе гнить:
Как греки веселиться,
Как римляне рубить!

Ну, думаю, с таким рубакой не соскучишься. И точно. Ночью — бой. И надо было одного раненого вытащить из балки, которая насквозь простреливалась немецким пулеметчиком. «Держись,— говорю,— Фелек. Побежим, когда он ленту менять будет». Ждем. А фашист все стреляет. И вдруг Фелек как вскочит да как закричит: «Вперед, за Польшу, за Мицкевича!» — и к балке побежал. «Стой,— ору,— ненормальный, куда?» — и за ним следом... Вытащили мы раненого. После я Фелека здорово отчитал. А он говорит: «На войне без риска нельзя. Мы раненого вынесли и сами живые. Так что все в порядке. Пусть пан не волнуется».

...Возвращался домой человек, бо́льшую часть войны бывший рядовым. Шел по Варшаве. Припекало солнце, кругом стояла непривычная для военного человека тишина, а варшавяне расчищали улицы от разрушенных домов. И вдруг услышал: «День добрый!» Обернулся — Фелек. Лицо в кирпичной пыли, конфедератка съехала на затылок, рукой очки поправляет. Обнялись солдаты, разговорились. «А я,— сказал Фелек,— напишу потом книгу о войне. Эпиграф будет тот самый, из Мицкевича. Вот только Варшаву восстановлю — и займусь...»

Солдат больше не писал стихов. Но с литературой не расстался. Теперь Михаил Васильевич Игнатов — кандидат филологических наук, известный переводчик польской прозы, кавалер многих польских орденов. И очень веселый человек, между прочим.

Мих. КАЗОВСКИЙ.

ДВЕ РОССИИ КАПИТАНА ЛИСИНА

Интервью началось с вопроса, заданного мне:

— Каким, по-вашему, должен быть подводник? — Мой собеседник, кажется, всерьез ждет от меня ответа.

Пытаюсь выплыть за счет Суворова.

— Ну... наверно, как солдату, ему надлежит быть храбру, здорову, бодру.

— Добавьте сюда: и зубасту.— Мгновенная улыбка открывает ряд отличных зубов.— Что ж тут непонятного? Выпустишь на глубине загубник изо рта — и конец. Так что припев «капитан, капитан, улыбнитесь»— это скорее приглашение к медосмотру у стоматолога.

Конечно же, подводником я стал не из-за того, что искал, где бы приложить крепкие зубы. Это у меня скорее наследственное, как теперь говорят,— генетическое. Мы, Лисины, волгари. Дядья у меня — боцманы, отец всю жизнь работал в порту. И лодку на которой я воевал, сработали портовики. Спасибо им, удружили. Испытали мы ее, а потом, закамуфлированные, пробирались к Баренцеву морю.

В Заполярье укрепились немцы. Местность дикая, вокруг одни голые скалы. Единственная дорожка у противника — по воде. Потому наша задача ясная — резать эту коммуникацию, не давать врагу перебрасывать оружие и войска. Должность моя на подлодке — командир отделения рулевых сигнальщиков. А главная обязанность — заметить самолет раньше, чем он нас. Ну, конечно, и мины не проглядеть. Ведь внизу — ребята, сорок человек тебе доверились.

Нас предупредили: бойтесь... северного сияния. Завораживает окаянная красотища. Над головой полыхает разноцветный занавес, а я на него — нуль внимания. Гляжу только вперед. Но поначалу и впереди-то не все разбирал. Однажды, еще новичком, увидал на горизонте белую марашку. Кричу:

— Парусник!

Еще секунда — и посыпались бы мы в рубку, как горох. Хорошо, старпом оказался рядом.

— Отставить! — закричал.— Это кашалот. Пульнул вверх столб воды, ну прямо бригантина!

— Евгений Андреевич, среди ваших наград есть орден Отечественной войны второй степени. За что вы его получили?

— В октябре 44-го вышли мы в поиск. Это у норвежских берегов было. Минное поле форсировали, и вдруг акустик докладывает: слышу шум винтов. Командир — к перископу. Идут три немецких тральщика. Запели торпеды, и два тральщика сразу в воздух взлетели. Вот за них-то я и получил этот орден.

— На том бой и кончился?

— Там ведь третий тральщик был, помните? Так он за нами. Надеялся, что мы повернем домой и влезем в это минное поле. А командир совсем наоборот решил: к вражескому берегу. Промчался вражеский тральщик над нами, шарахнул восемь глубинных бомб, совсем рядом. Не попал. Но шуму наделал — будьте покойны. Грохот вокруг и скрежет. С нами в свой первый поход пошел ученик-электрик. И вот среди этой какофонии стал он нас умолять: тише, ребята, разговаривайте, услышит ведь, еще станет бомбить. Мы смеемся, а тральщик будто и впрямь услышал — снова атаковал. Ученик наш уже чуть не плачет. Мы его успокаиваем. Окончательно отсмеялись мы потом, когда были в безопасности.

Но это не все. На следующий день вернулись на то же место. И опять повезло: наткнулись на десантное судно, буквально нафаршированное фрицами, даже в шлюпках сидели. Драпали уже немцы из Норвегии. Выпустили мы две торпеды — и «фашист» пополам. Возвращаемся на базу, переодеваемся в чистую робу — традиция! — проходим боновое заграждение и тоже по традиции даем салют — соответственно количеству подбитых судов. А командир береговой базы — опять-таки по прекрасной традиции! — уже готовит экипажу угощение: жареного поросенка. За каждый торпедированный объект.

— Хорошие традиции!

— Еще бы... Только с ними тоже иной раз случалось такое... Салютует как-то лодка нашего дивизиона из всех пушек. Четыре раза. Командующий не поверил: что там, считать не умеют?! И вдруг — еще три залпа. Командующий и вовсе рассвирепел. Но все оказалось правильным. А командир базы в отчаянии: «Где я возьму сразу семь поросят?»

Прощаясь, спохватываюсь:

— А как с моряцкой генетикой?

Лисин разводит руками.

— Сын моряком не стал. Вся надежда на внука. Он у меня с четырех лет морскими терминами сыплет. Как-то не поладил с моей Марией Федоровной да и скомандовал:

— Бабушку за борт!

Она испугалась:

— Андрюшенька, я ведь утону.

Внук с ходу постиг прекрасные законы морской взаимовыручки:

— Тогда и шлюпку за борт! Подберем.

Мы расстаемся в скверике возле речного вокзала. Он уходит, легкий, подтянутый и абсолютно не подходящий для солидного звания «ветеран». Скоро у причала станет красавец теплоход, и Лисин взойдет на капитанский мостик. И поведет по фарватеру свою «Россию» так же бережно, как бережно заслонял Россию тридцать лет назад.

Майя ИГНАТЕНКО.

ТРИЖДЫ ОТВАЖНЫЙ СЕРЖАНТ

Грант Погосович Аванесян воевал как все. Правда, кроме орденов Красной Звезды и Отечественной войны II степени, он награжден тремя медалями «За отвагу». Таких людей можно насчитать меньше двух десятков.

— Итак, когда вы получили первую столь почетную медаль?

— На фронте, как известно, случалось всякое. Приходилось не раз сталкиваться с фашистами, которые представали в необычном, что ли, виде. А с другой стороны, может, как раз они и были в своем натуральном виде, эти битые вояки?..

В декабре 1943 года рота, где Грант Погосович служил радистом, захватила плацдарм на днепровском острове Хортица. Потом туда же переправился весь батальон и командир полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й ударной армии Герой Советского Союза подполковник Ф. В. Чайка.

С берега, где сидел враг, стреляли. Под прикрытием этого огня ночью с большой лодки на другом конце острова потихоньку высадился немецкий десант и установил минометную батарею. Чтобы с двух сторон накрыть советский батальон.

Ближе к утру солдаты, привезшие на остров термосы с пищей, наткнулись на вражеский десант. И после короткой схватки гвардейцы уничтожили фашистов. А утром за перевернутой лодкой обнаружилась голова в рогатой каске. Голова торчала из реки. Стуча зубами и пуча глаза, фашист закричал: «Рус, момент!» Наших солдат охватил смех: видно, очень понравилась фрицу ледяная днепровская ванна, еще просится «момент» в ней посидеть. Уцелевшего солдата, который хотел схорониться в Днепре, переодели в сухое и отправили в тыл в качестве «языка».

За участие в захвате острова Г. Аванесяна наградили первой медалью «За отвагу».

— А теперь расскажите о второй.

Основной удар через Днепр наши части наносили в другом месте. Да и река около Хортицы очень широка. Наверное, поэтому там, где на вражеский берег вышли восемь разведчиков с радистом — старшим сержантом Аванесяном, оккупанты их явно не ждали.

Разведка подошла к селу Хортица. Прислушались. В предрассветной тишине слышалась чужая речь, беззаботный смех. Тянуло дымком. Окружили дом, откуда доносились голоса. Бесшумно сняли часового. Посмотрели: что такое? Оружие фашистов лежало на улице. Гвардейцы налетели на завоевателей в самый разгар бани! Двадцать солдат с офицером ничего не подозревали и плескались внутри. Легко представить себе выражение лиц недомывшихся вояк, когда в баню ворвались наши автоматчики.

А Аванесян сообщил по радио: путь свободен, можно переправляться. За эту разведку Грант Погосович получил вторую медаль «За отвагу».

— И, наконец, пожалуйста, о третьей...

— Ну, она связана с одним эпизодом на Сандомирском плацдарме...

Г. Аванесян с сержантом-радистом П. А. Виноградовым и двумя бойцами пошли в разведку. 5-я ударная армия 1-го Белорусского фронта собиралась прорывать оборону.

Тихо, как бывает перед боем. Бойцы проскользнули мимо дозоров. В сосновой роще увидели почти идиллическую картинку. Пахнет кашей, поблескивает огонек, два толстых повара хлопочут у полевой кухни. Увидев наведенные автоматы, пузачи стали мокрыми. Но на этот раз не от речной водицы и не от банного пара...

Не пришлось им угостить своих солдат горячей кашей. Через короткое время началось советское наступление, и к фашистам полетели гостинцы такие горячие, что они не знали, куда от них деваться.

За эти бои Г. Аванесяна наградили медалью «За отвагу» в третий раз.

...Вспоминая войну, Грант Погосович посмеивается:

— Встречал я фашистов в виде мокрых куриц. А кто их такими сделал? Мы, советские солдаты!

Сейчас Грант Погосович Аванесян живет в своем родном городе Сочи. Работает он начальником цеха переработки на плодоовощном предприятии.

Эр. ЭДЕЛЬ.

Им. ЛЕВИН,
специальный корреспондент Крокодила

Довесок к блокадному пайку

К 30-летию Победы Ленинградский академический театр комедии поставил блокадную пьесу Е. Шварца «Одна ночь».

Театр комедии и тема блокады. Смех и самое суровое, трагическое время в истории города... Совместимо ли это?

...7 ноября 1941 года. На этот день гитлеровцами был запланирован парад войск на Дворцовой площади, а вечером торжественный прием в гостинице «Астория».

Но ленинградцы распорядились этим днем по-своему.

Холод, голод, жестокие обстрелы. Но до отказа заполнен театр музыкальной комедии. Аншлаг и в театре комедии: в праздничный вечер здесь премьера спектакля «Наследники славы» («Давным-давно») А. Гладкова...

Среди зрителей праздничных спектаклей — фронтовики. У многих на руках билеты, которые им в порядке поощрения были вручены перед строем.

Не попасть и в цирк. Манеж в эти дни отдан актерам эстрады. Концерт ведет популярный конферансье Константин Гузынин. Среди звезд всеобщая любимица Клавдия Шульженко.

В тот праздничный вечер выступали и десятки фронтовых эстрадных коллективов. Землянка, кубрик, госпитальная палата, продуваемый всеми ветрами цех были их аудиторией.

После концерта артистов приглашали к столу. С ними делились всем, чем могли. Чаще всего это была пайка хлеба, тарелка каши, кружка крепкого чая. С чьей-то легкой руки это стало именоваться «банкетом». Слово прижилось, и повара спрашивали у актеров: банкет здесь скушаете или возьмете с собой?..

...7 ноября 1942 года. Четверть века Советской власти. Театр музыкальной комедии показывает свою новую работу «Раскинулось море широко». Это был праздничный подарок непобежденному городу. Это была и оглушительная оплеуха врагу, который стоял рядом, на расстоянии трамвайного маршрута.

Все удивительно в истории создания пьесы и спектакля. И то, что задание на музыкальную комедию полковой комиссар Всеволод Вишневский получил непосредственно от Военного Совета Ленинградского фронта. И то, что ни он, ни его соавторы А. Крон и В. Азаров никогда раньше комедий, а тем паче музыкальных, не писали. И то, что музыку к ней одновременно писали три композитора: В. Витлин, Л. Круц и Н. Минх. И то, что в тяжелейших условиях блокады театр под руководством Н. Янета поставил спектакль всего за полтора месяца. И, наконец, главное: вещь получилась. Да еще как! В годы войны она триумфально прошла по сценам многих театров страны — в тылу и на фронте.

Этот спектакль, как и многие другие, я увидел на сцене Ленинградского театра музкомедии в конце зимы 1943 года, вскоре после прорыва блокады. Наша 2-я Ударная армия наносила тогда удары по врагу со стороны Волховского фронта.

Это были удивительные спектакли — с ящиками песка на сцене и в ложах, со зрителями, аплодирующими в варежках, с перерывами на тревогу, когда публика и актеры спускались в бомбоубежище...

В таких условиях театр играл все 900 дней блокады.

Народный артист СССР лауреат Ленинской премии Ю. Толубеев вспоминал:

— Театр музкомедии. Люди, сидевшие в зале и выступавшие на сцене, часто едва державшись на ногах от голода. Но спектакль шел, звучала музыка, веселая шутка, гремел оркестр. Ленинградцы и приходившие на спектакль фронтовики не просто могли на два-три часа отключиться от войны, отдохнуть — театр помогал аккумулировать их энергию, заряжал бодростью, укреплял веру...

Помню еще одну характерную деталь прифронтового города: сатирические плакаты в витринах больших магазинов и просто наклеенные на стены домов. Злые, зубодробительные карикатуры на Гитлера и его незадачливых вояк, бьющие в «десятку» подписи. Мы смотрели и смеялись, не задумываясь над тем, кто рисовал и кто делал подписи.

Первый номер «Боевого карандаша» вышел 25 июня 1941 года. За ним последовали новые и новые работы.

Художник воину сродни,
Удар его искусства точен...
Все для победы! В наши дни
И карандаш, как штык, отточен!

Эти строчки одного из зачинателей «Карандаша», поэта Бориса Тимофеева.

Более трех десятков лет минуло с той поры. Но жив и по-прежнему остро заточен «Боевой карандаш». Вот уже к трехтысячному номеру подбирается цифра на его листах. Живы и боевые традиции.

Одновременно и параллельно в сражающемся Ленинграде выходили иллюстрированные «Окна ТАСС». Великолепный триумвират — А. Прокофьев, В. Саянов, О. Берггольц — определял поэтический уровень плакатов. Вероятно, единственный раз в своей жизни здесь выступила в сатирическо-плакатном жанре А. Ахматова. «Лезет в город враг проклятый — бей его киркой, лопатой!» — это ее подпись под плакатом, призывавшим ленинградцев на оборонные работы.

...Спектаклю «Одна ночь» театр комедии предпослал пролог. На авансцену без грима, без сценических костюмов, вне образа выходят «блокадники» — народные артисты РСФСР И. П. Зарубина, Е. А. Уварова, Е. В. Юнгер и А. Д. Бениаминов. У каждого на груди знаки боевой и трудовой доблести.

Рядом со мной сидели двое подростков. Глядя на сверкающий панцирь наград, украшающих сугубо штатский костюм Бениаминова, один из них тихо спросил у соседа: «Ты как думаешь, они настоящие или так?» Парень пожал плечами. Тогда я тихо сказал им:

— Самые настоящие — и боевые ордена и медали.

— А кем он был на войне?

— Руководителем фронтового театра миниатюр.

Ребята недоверчиво посмотрели на меня. Да и откуда им знать, что значил смех в ту бесконечно далекую и такую близкую пору...

г. Ленинград.

Леонид УТЕСОВ

253 МИШКИ-ОДЕССИТА

В 1942 году я несколько раз исполнял по радио песенку о Мишке-одессите. То было тяжелое время: Одесса после героической обороны была оставлена нашими войсками.

Эта песенка, видимо, тронула тысячи сердец храбрых и милых людей родного моего города. Я стал получать множество писем. Одесситы откликались на песенку. Трогательное было в том, что писало мне много Мишек-одесситов.

«Как вы узнали что я был в последнем батальоне?» — спрашивал один. «Это ничего, товарищ Утесов, мы еще расправимся со всем этим паскудством, которое сейчас прохаживается на одесских бульварах...» — сообщал другой.

Я получил в 1942 году 253 письма от бойцов, принявших песенку на свой счет. Привожу здесь полностью одно из таких писем:

«Дорогой товарищ Леонид Утесов!

Я слушал по радио вашу песенку про нашу дорогую Одессу и про то, как я захотел будто бы плакать. Мне неизвестно, кто мог выдумать такую чепуху про меня, Мишку Цыпенюка. Это клевета, товарищ Леонид Утесов. Когда мы оставляли Одессу, я не плакал и не хотел плакать. Наш батальон, правда, уходил последним, но какой тип вам говорил такое, такие сплетни, про пулеметчика Мишу Цыпенюка? В вашей песне неверно и насчет того, что наш батальон оставлял город в тишине. Музыка, конечно, не играла — она еще заиграет, и вы еще сами, товарищ Леонид Утесов, споете что-нибудь насчет разгрома Гитлера, но тишины тоже не было. Я строчил гадов до самой посадки на пароход. О чем они думают, товарищ Утесов? Они думают, что Одесса останется им навсегда?.. Этого не будет. Мы уже гоним гадов, и мы из них вымотаем кишки. Они заплатят за все. И я хочу еще доставить себе удовольствие побывать в Берлине. Младший сержант Михаил Цыпенюк».

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ ВЕТЕРАНОВ

— Танцевать я совсем разучился
И прошу вас меня извинить...

Рисунок
В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Лев СЛАВИН

БОЛЬШОЙ ШЛЕМ КОЛДУЭЛЛА

Было это в августе 1941 года. Эрскин Колдуэлл оказался единственным крупным американским литератором на нашей территории вту начальную пору войны. Американские газеты и агентства буквально засыпали его просьбами писать о военных действиях на Восточном фронте. Евгений Петров, друживший с Колдуэллом, приводил к нему приезжавших с фронта литераторов для того, чтобы они начиняли его нужной информацией.

Колдуэлл был довольно еще молодой человек болезненной наружности, с мягкими манерами. Он поразил меня двумя своими особенностями. Во-первых, размерами своего шлема. Тогда Москву бомбили, и Колдуэлл во время бомбежек надевал этот свой стальной шлем, который покрывал не только голову, но и плечи и даже часть спины. Где он достал эту штуку, я не знаю. Наверное, ее сделали по специальному заказу. Я не мог отвести глаз от этого грандиозного шлема, он меня гипнотизировал. Наконец Петров, воспользовавшись тем, что Колдуэлл вышел из комнаты, сказал мне сердито:

— Слушайте, Лева, что вы уставились на этот шлем? Колдуэлл — человек вежливый. Кончится тем, что он вам подарит его. И тогда вы пропали. Это же все равно, что выиграть в лотерею корову.

— Но почему он такой большой? — спросил я, все еще не в силах оторваться от шлема.

Женя поднял палец, склонил голову набок и сказал назидательно:

— Американцы любят не только свою голову. Они очень привязаны к своей спине и плечам.

Вторая вещь, которая поразила меня в Колдуэлле,— это его не совсем уверенные познания в географии Европы. Когда я рассказал ему о положении на Ленинградском фронте, выяснилось, что он не только не догадывается о существовании на свете Финского залива, но и не совсем четко представляет себе, где, собственно, расположены Финляндия и Балтийское море.

Когда мы ушли от Колдуэлла, я не скрыл от Петрова своего удивления.

— Слушайте, Лева,— сказал Петров, взяв меня под руку,— зачем ему знать географию? Американцы знают только то, что им нужно для их профессии. Колдуэлл — узкий специалист. Он умеет только одно — хорошо писать. Больше ничего. Скажите откровенно: вы считаете, что для писателя этого мало?

«С лейкой и блокнотом»

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Л. САМОЙЛОВ ИЗ СЕРИИ «ТОТАЛЬНОЕ РЕВЮ» *(«Летчик Балтики», 1945 г.)*

В Германии издан закон о мобилизации стариков, подростков и даже... артистов кабаре.

(Из газет 1945 года).

«Красотки, красотки, красотки кабаре...»

«Мой любимый старый дед
В шлем тотальный был одет».

«Перестань ты шутить и смеяться,
Не пора ли мужчиною стать».

Вл. ХАРЬКЕВИЧ,
заслуженный артист
Таджикской ССР

ЧАСТУШКИ И КУПЛЕТЫ

В начале войны я, молодой актер Центрального театра Красной Армии, попал в запасной стрелковый полк. Здесь довольно быстро нашлись инициативные люди, которые, отыскав среди солдат профессиональных музыкантов, певцов, танцоров, актеров организовали при полку ансамбль красноармейской песни и пляски.

Сначала мы выступали в тыловых армейских частях, а весной 1943-го большая часть нашего коллектива выехала на фронт и оказалась в составе 1-го гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса — первого гвардейского соединения Вооруженных Сил СССР. С этой частью мы прошли с боями Украину, Венгрию, Австрию и закончили боевой путь в Альпах.

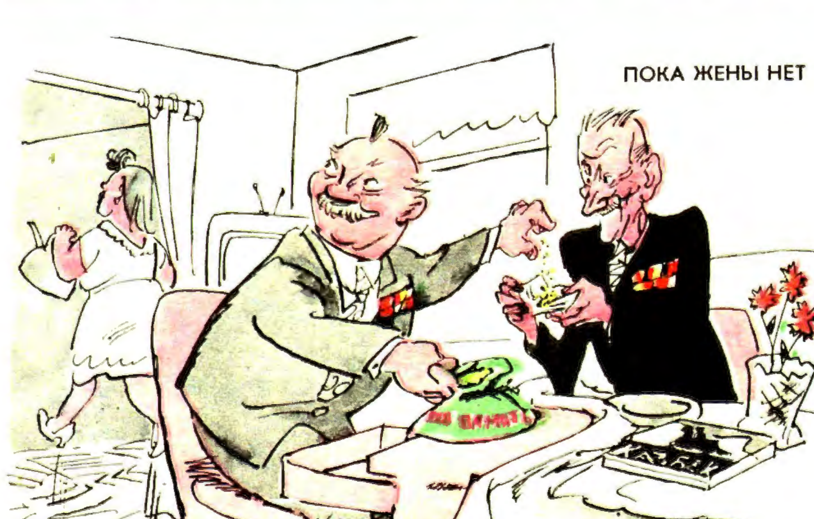
На привале, в минуты затишья между боями, в дни отдыха наш коллектив выступал перед бойцами с сатирическими сценками, с частушками. Вспоминаю, какое оживление у бойцов вызвали незамысловатые, может быть, частушки, которые мы исполняли с моим партнером — бывшим скрипачом симфонического оркестра Всесоюзного радиокомитета Владимиром Мееровичем после того, как стало известно о проходе через столицу пленных немецких солдат и офицеров.

Фриц мечтал пройти парадом
По московской мостовой.
И прошел... Но только рядом
Почему-то шел конвой...

Вспоминаю один случай, который произошел со мной во время концерта. Новый, 1944-й год застал нас под Полтавой. Мы написали шуточные куплеты, которые затем я исполнял перед офицерским составом бригады в образе Деда Мороза — наизнанку белая меховая шуба, большая борода и усы из пакли, увесистая дубинка...

Во время чтения — курьез. Дошел до строк: «За этот будущий успех, пожалуй, выпить бы не грех?». Смотрю, у начальника политотдела бригады гвардии подполковника Сокольчика на лице появилось растерянное выражение. На «выручку» ему бросился какой-то офицер. Он быстро налил в граненый стакан водку, подцепил на вилку кусок американской колбасы и подскочил ко мне. Признаться, и я растерялся, эта «мизансцена» вовсе не была мною предусмотрена. Однако храбро взял наполненный стакан, поднес его ко рту и... водка легко просочилась сквозь густую паклю, а колбаса застряла в усах... Но, несмотря на возникшую заминку, я довел чтение куплетов, как говорится, до победного конца.

ПОКА ЖЕНЫ НЕТ

—Давай закурим, товарищ, по одной...

Рисунок
Ю. УЗБЯКОВА

Мой Дворецкий

Осенью 1941 года в перерывах между молотьбой и рытьем окопов я успел прослушать несколько лекций на филологическом факультете. Потому считал себя человеком достаточно интеллигентным. Но с первых дней пребывания в училище связи я понял, что здесь это мне совсем ни к чему.

Тем более, что старшина Кузьмин поставил перед собой и перед нами совершенно определенную задачу:

— Я из вас, молодцы, шелковых сделаю!

Словом, когда я прибыл в одну из артиллерийских частей и получил под свое начало взвод, то захотел немедленно показать все, чему научил меня старшина Кузьмин. С этой целью я спустился в блиндаж, где, по сведениям начальника штаба дивизиона, располагался вверенный мне взвод, и... застал его в глубокой спячке. Набрав полную грудь воздуха, я молодцевато гаркнул:

— Па-а-адъем!!

К моему великому удивлению, это не произвело никакого впечатления на моих подчиненных. Хорошо поставленный командный голос лишь слегка поколебал пламя в гильзе-светильнике.

Положение мое, прямо скажем, было глуповатое. Я не знал, что предпринять: будить свой взвод дальше или тихонько ретироваться, пока никто не видел моего позора. И в это время над моим ухом раздался спокойный голос:

— Кто это здесь кукарекает?

Передо мной стоял мужчина лет тридцати, худощавый, стриженный под ежик, с сержантскими петлицами.

Тотчас вспомнив уроки старшины Кузьмина, я уж совсем собрался осадить дерзкого сержанта, рявкнув что-нибудь вроде: «Как вы разговариваете?» — но в это время сержант, разглядев мой «кубарь», вытянулся, насколько позволял низкий потолок из круглых бревен.

— Виноват, товарищ младший лейтенант. Сержант Дворецкий,— негромко представился он,— помощник командира взвода. Взвод отдыхает после боевого задания.

И добавил еще тише:

— Двое суток не спали.

Так в смоленском лесу я и обзавелся своим Дворецким. Надо сказать, что опекал он меня, как какого-нибудь инфанта. Звонит командир дивизиона:

— Начальник связи? Как у нас со второй?

Пока я соображал, какая связь со второй батареей, уже звучал голос Дворецкого по параллельному телефону:

— Товарищ пятый, есть барабан (радио).

Однажды, когда мы уже наступали, в Белоруссии Дворецкий преподал мне урок такта. Вместе с ним ночью мы искали в лесу предполагаемые огневые позиции второй батареи и наткнулись на домик лесника, которого на карте не было.

Я уж собрался открыть дверь и обследовать помещение, как Иван Христофорович взял меня за плечо:

— Минуточку, товарищ лейтенант. Может, там какой наш штаб разместился. Неудобно беспокоить.

Мы замерли и тут же явственно услышали немецкую речь. Из домика раздавались пьяные голоса, обрывки песен. Дворецкий достал гранату, снял предохранитель, я рванул дверь, и тут же полетела граната.

— Битте! — крикнул Дворецкий, отталкивая меня в сторону.

Бывалый вояка помкомвзвода надежно подпирал плечом своего девятнадцатилетнего командира. И другие взводные с завистью говорили обо мне:

— Ему что! У него свой Дворецкий!

А. СУКОНЦЕВ.

Курочка не впрок

Войска Северо-Западного фронта вели наступление. Артиллерийская батарея, в которой я служил, поддерживала батальон 86-й мотострелковой дивизии.

Ночью после артиллерийской подготовки пехота и танки ворвались в деревню Белый Бор и закрепились на ее окраине, по склону оврага. Гитлеровцы стали обстреливать деревню термитными снарядами. Одна за другой вспыхивали бревенчатые избы, озаряя все вокруг ярким пламенем.

К утру от деревни осталось черное, дымящееся пепелище. Каким-то чудом уцелел лишь сарай в овраге, на нейтральной полосе, между нашими и немецкими окопами. Вечером, когда перестрелка стихла, из сарая донеслось кудахтанье. Было ясно, что на этом островке жизни нашли себе убежище деревенские куры.

Дивизия простояла в обороне четыре дня, а затем снова стала готовиться к наступлению. Командир стрелкового батальона получил задание добыть «языка». Вместе с начальником разведки он стал кропотливо разрабатывать план ночного поиска.

Свидетелем этого оказался наш артиллерийский связист — маленький, белобрысый Тима Оськин, который со своим телефонным аппаратом сидел в блиндаже командира батальона.

— Эх, вы, пехота! — критически заметил артиллерист Тима.— Нашли из-за чего голову ломать. Хотите, я для вас «языка» в два счета добуду?

— Как? — навострили уши пехотные командиры.

— Один из ваших пойдет со мной — и будет порядок.

Ночью Оськин и приданный ему разведчик-пехотинец в белых маскхалатах поверх шинелей перелезли через бруствер окопа и поползли к одинокому сараю на нейтральной полосе. Забравшись в сарай, они посветили электрическим фонариком. На перекладинах под крышей, негромко кудахтая, чинно восседали петухи и куры.

Артиллерист и пехотинец залезли в ворох соломы и стали ждать.

Заскрипели двери, и в сарае появился кто-то третий. Он точно так же посветил фонариком, затем вооружился палкой и стал сгонять кур с насеста. Птицы с кудахтаньем стали носиться по сараю, полетели перья.

Тима со своим помощником вынырнули из укрытия, накинули на голову неизвестного плащ-палатку, скрутили ему за спину руки и поволокли в свои окопы.

Под плащ-палаткой оказался здоровенный, рыжий гитлеровец, облепленный куриными перьями.

— Слушай, дружок,— обратились к Оськину пехотинцы,— а как ты догадался «языка» в курятнике искать?

— Эх вы, а еще разведчики! — с достоинством ответил Тима.— Да кто же не знает, что курки и яйки для фрицев дороже всего на свете!

А. ГОЛУБ.

Приказ есть приказ

Произошло это в разрушенной, совсем недавно отбитой у врага Вязьме, в госпитале, где начальником был я — в то время подполковник медицинской службы.

Множество приказов по госпиталю приходилось мне подписывать, но такого я не подписывал ни до, ни после, прошу мне поверить.

Постучались и, получив разрешение, вошли в мою землянку двое: старший лейтенант медицинской службы Андрей Данилов и сержант медицинской службы Маша Минченко. Вид у обоих был одновременно и смущенный и решительный.

— Товарищ подполковник! — сказал Данилов.— Вы, конечно, знаете, что еще не все советские учреждения в Вязьме уже восстановлены...

— Должно быть, так,— согласился я.— А в чем, собственно, дело?

— А в том,— вмешалась Маша, сильно покраснев,— что без загса я не согласна.

— Не согласна она без загса,— печально подтвердил Данилов.— И мамаша ее не согласна. Мы письмо получили. Не дает без документа родительского благословения. А загса в Вязьме еще нет.

— Понял,— сказал я.— Нет, так будет. Не падайте духом. Подождите, ребятки.

— Никак невозможно, товарищ подполковник,— сказал Данилов.— Мы решили пожениться сегодня.

— Чем же я могу вам помочь?

— Издайте приказ о том, что мы муж и жена,— сказал Данилов.

— Издайте,— умоляюще прошептала Маша.

«Вот тебе раз,— подумал я,— этого еще не хватало!» И совсем уж было вознамерился им отказать, но, взглянув на их молодые, исполненные надежды и такой трогательной веры в мое могущество лица, дрогнул. Так и появился приказ, который привожу полностью:

ПРИКАЗ

по Сортировочно-эвакуационному госпиталю № 290 3-го Белорусского фронта № 26/А от 14 марта 1943 года

§ 1

С сего числа считать в зарегистрированном браке старшего лейтенанта медицинской службы Андрея Михайловича Данилова и сержанта медицинской службы Марию Васильевну Минченко.

§ 2

Обязать супругов Даниловых зарегистрировать свой брак в ближайшем загсе в наикратчайший срок, как только загс будет восстановлен.

Приказ объявить всему личному составу.

Основание: заявления А. М. Данилова и М. В. Минченко.

Подписал: начальник госпиталя № 290 подполковник медицинской службы В. Гиллер.

Законность приказа была явно сомнительна, но молодоженов он вполне устраивал. Они горячо меня поблагодарили. Я пожелал им счастья, любви и согласия. И не умолчу о том, что у нас нашлось чем чокнуться.

...Через тридцать лет в Вязьме, где, конечно, был уже и загс и все остальное, состоялось торжественное открытие памятника в честь нашего госпиталя. Во время открытия подошла ко мне вовсе уже не молодая чета, в которой я узнал Машу и Андрея Данилова. Они познакомили меня со своими детьми и внуками, и я понял, что мое пожелание любви и согласия было выполнено безоговорочно, как военный приказ.

В. ГИЛЛЕР.

Банкет с помидорчиками

Мы, курсанты специальной школы, вчерашние одесские студенты, заняли оборону под Днепропетровском. Фашистов мы еще не видели, хотя уже испытали и затяжные бомбежки и шквальные арткалеты...

Я и мой школьный друг Ромка находились в боевом дозоре. В чем заключались наши обязанности, мы представляли, мягко выражаясь, смутно. Сержант, командир отделения, уходя, категорически повелел:

— Лежать и не рыпаться!

Оглядевшись, мы заметили впереди себя и рядом... помидоры. Яркие, алые, они были такими домашними, словно и не грохотало вокруг смертное побоище.

Стараясь, как повелело командование, не рыпаться, мы все же сорвали несколько крупных, сочных помидоров и хотели уже было насладиться ими, как вдруг словно по команде, оба застыли.

В нескольких шагах от нас мы увидели двух автоматчиков в зеленых робах с закатанными рукавами...

Вот и дождались: лицом к лицу с врагами. Только они стоят и руки держат на спусковых крючках автоматов, а мы лежим с помидорами в руках. Правда, рядом лежали наши винтовки, но... но надо было еще протянуть руку, взять ее, отвести затвор... Тем временем автоматные очереди успеют нас разделать на восемь частей каждого. И прости-прощай, моя Одесса!..

На счастье, фашисты смотрели не в нашу сторону. И тут, не сговариваясь, а только мимолетно взглянув друг на друга, мы, как гранаты, швырнули помидоры, стараясь попасть ими в ненавистные рожи.

Конечно же, это не говорило о наших боевых навыках. Конечно же, бывалые солдаты придумали бы что-нибудь более дельное. Конечно же... Но то ли от неожиданности, то ли вспомнив о русском «тайном оружии», фашисты, украшенные потеками алого помидорного сока, на мгновение застыли.

Этих секунд было достаточно, чтобы пришли в действие наши винтовки. А вдобавок у ног фашистов разорвалась граната. Подоспел все-таки вовремя наш боевой сержант.

— Ну что, цуцики! Банкет захотелось вам устроить со свежими помидорчиками? А? Я кому говорил — не рыпаться?!

Н. КВИТКО.

г. Одесса.

Пассажирка

Я вез на своей старенькой полуторке снаряды на передовую. Дорога была очень трудной, а тут еще на контрольно - пропускном пункте добавили «лишний груз» — посадили молоденькую девушку в чине сержанта.

— Мне только до Парфина,— сказала она в ответ на мое ворчание о перегруженной машине и слабой резине.

Я нехотя убрал с сиденья вещмешок и телогрейку, чтобы освободить место этой нежелательной пассажирке. Учитывая ее возраст и новенькое обмундирование, сделал вывод, что едет на фронт она впервые.

— А ведь у нас здесь стреляют! — небрежно сообщил я.

— Неужели? — довольно искренне удивилась девушка.

— Вчера, например, на меня спикировали сразу двенадцать «юнкерсов».

— Ой, как страшно!

— Нет, самое страшное было неделю назад, когда меня окружила дюжина вражеских танков,— продолжал я пугать пассажирку.

— И как же вы уцелели? — спросила моя пассажирка с дрожью в голосе.

— Да очень просто: я был в центре, а танки — по окружности. Как один промахнется — попадет в другого. Так они друг друга и перестреляли.

— Да вам Героя за это надо присвоить! — восхищенно воскликнула девушка.

— Пустяки, подумаешь, какие-то двенадцать танков!

— Нет, ваше командование просто несправедливо. Вот мне всего за два подбитых танка Звездочку дали,— сказала пассажирка с лукавой усмешкой. Затем она распахнула шинель, и я увидел на ее гимнастерке орден Красной Звезды.

...Шутить мне больше не хотелось. Я молча вел машину, думая лишь об одном — скорей бы добраться до Парфина.

И. МАРТЬЯНОВ.

г. Иваново.

Новогодний подарок

Случилось это в ночь под Новый год, в одном из подразделений Ленинградского фронта, где мне довелось служить. В те дни, а точнее — в те ночи, и дивизионные и полковые разведки безуспешно охотились за «языком». И вот именно в новогоднюю ночь... Впрочем, зачем излагать невыразительной прозой то, что можно поведать стихами? А прозой только засвидетельствую: все точно так и было.

Томясь по смене в нетерпеньи
Ночною лютою порой
Бойцы лежали в охраненьи
под Новый год — сорок второй.

Как вдруг — виденьем из метели,
Из мутно-белой пелены.
Какой-то тип возник в шинели
Оттуда, с ихней стороны.

Другому бы давно могила
Средь мин и хитрых «волчьих» ям,
А этого судьба хранила —
Он просто был мертвецки пьян.

Так, в нарушенье всяких правил,
Хоть этот случай явно дик,
Он сам себя сюда доставил —
Столь нужный армии «язык».

Его бесчувственное тело
Не довели, а донесли.
Примчался начразведотдела,
Когда о пленном донесли.

— Ах, как нам нужен этот дядя! —
Сбивая лед с усов седых,
Воскликнул он, с восторгом глядя
На унтера, что мирно дрых.

— Видать, немало хлопнул чарок...
Что ж, нарушать не будем сон.
От Санта Клауса в подарок
Нам этот фриц преподнесен!..—

Вот, стало быть, какой счастливый
Был в нашем взводе Новый год.
А если мой рассказ правдивый
Кто под сомнение возьмет,—
Поверить, дескать, трудновато,
И чем бы это доказать,
То я за Колпином, ребята,
Могу вам место показать!

В. ЛИФШИЦ.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

ОТ КАТЮШИ ПЕРЕДАЙ ПРИВЕТ...

Как давно мы не видались с ней...

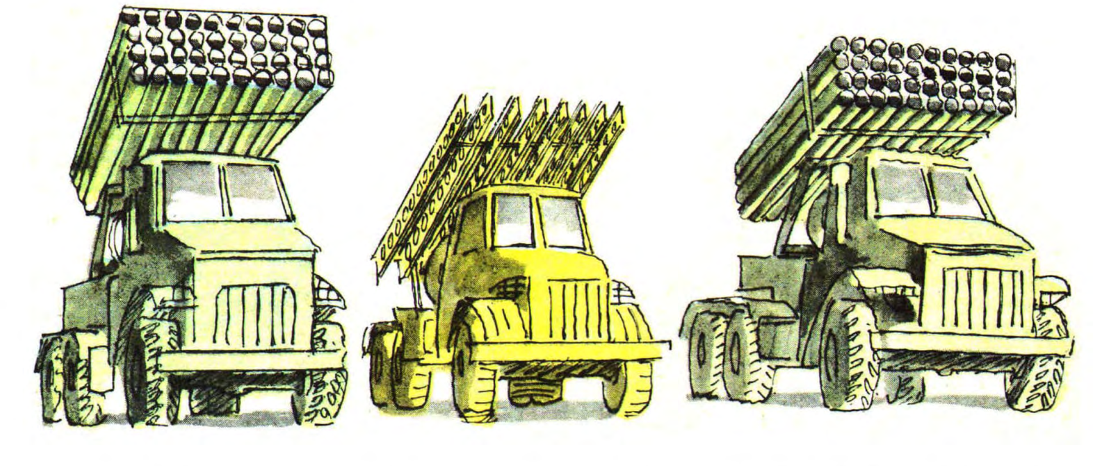
Правда, иногда судьба сталкивала нас, но это были мимолетные встречи: на страницах старых журналов, в кинохронике военных лет, в моих старых фронтовых блокнотах.

С 1942 по 1945 год мы служили с ней в семидесятом гвардейском минометном полку. Дошли вместе с ней до Праги.

В полку все ее любили и нежно звали «Катюша». А враги дрожали при одном упоминании ее имени.

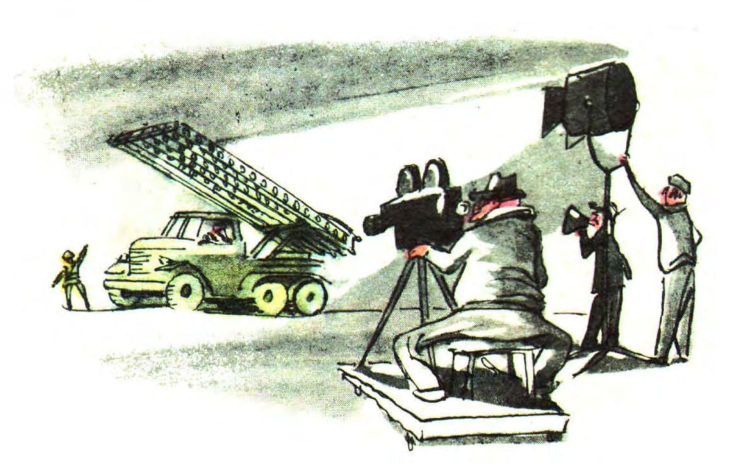
И вот тридцать лет спустя я снова встретился с ней в одном из подразделений знаменитой Кантемировской дивизии.

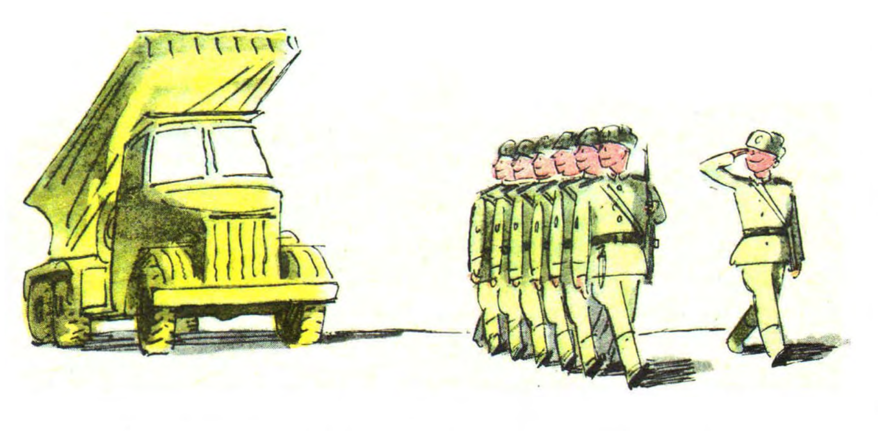
9 мая, в день тридцатилетия Победы, когда ветераны нашего семидесятого гвардейского минометного полка соберутся на традиционном месте встреч, на площади Маяковского, в Москве, всем однополчанам «от Катюши передам привет»!

Семья «Катюши» получила прибавление: у нее появились младшие братья, которые, хоть и младшие, но гораздо сильнее и мощнее своей сестры! Акселерация!
Один из братьев, которого зовут «Град», может выпустить за двадцать секунд не один десяток «градинок», весом не один десяток килограммов, на расстояние не один десяток километров.

— А вы видели художественный фильм «Укрощение огня»? Наша «Катюша» снималась в этом кинофильме, она у нас кинозвезда! — представил мне командир подразделения свою «знаменитость».

Всем известно, что о возрасте женщин не говорят, и «Катюша» не исключение! Она все так же прекрасна и молода и все так же пользуется вниманием молодых парней! Недаром самая популярная песня в подразделении — «Катюша».

Из рассказов ефрейтора Петра ЧУХМИНА

«Нихт!»

Если бы мне кто-нибудь напророчил, что буду я здоровенного гитлеровца на руках носить, своим теплом согревать да еще последний кусок ему отдам,— плюнул бы я тому пророку в бороду.

А случилось именно так. В лютую зимнюю ночь лежали мы с ним в одной воронке на ничейной земле. Я соображал, как бы половчее из этой могилы к своим пробиться, а он вернее всего ни о чем не думал, поскольку замерзал живьем. Одет он был кое-как: кителек, брючишки из чистой полушерсти, сапожки чуть ли не на босу ногу — одним словом, в дальнюю дорогу не собирался и теперь, клацая зубами, готовился отдать богу душу. Мороз стоял под тридцать, и от прокаленной, развороченной земли таким холодом несло — почище любого рентгена пронизывало.

Лежали мы с этим фашистом в обнимку, и каждый его дрожемент доходил до меня кратчайшим путем. Скинул я рукавицы, стал его тормошить, с бока на бок переваливать и строго так, в приказном порядке повторяю по-ихнему: «Штербен нихт!» Помирать, мол, права не имеешь.

Надо еще сказать, что над нашими головами ни на минуту не прекращалась жуткая карусель. Это его дружки хватились и со злости из нескольких пулеметов сразу всю полосу нашего отхода перекрыли. А у ребят из моей группы тоже патронов хватало. Отползли они в сторону, подальше от моей воронки, и шпарили длинными автоматными,— на себя огонь вызывали, лишь бы мне дорожка открылась.

А мой гитлеровец хоть бы словечко сказал. Лежит белый, от снега не отличить, вроде бы и живой, но догадаться можно, что до смерти ему если и четыре шага, то воробьиных.

Дело прошлое, и можно раскрыть, что имелся у меня свой потайной НЗ, с которым я зимой не расставался. Были тогда такие пузырьки алюминиевые, для ружейного масла. Так в моем всегда вместо масла спирту полнехонько. А к пузырьку всегда довесок — кубик шпига, пять на пять.

Сам я хоть и разогрелся, его оживляя, но тоже озяб,— всей челюстью чечетку отбивал. Хлебнуть бы глоток—и великое дело. А как хлебнешь, когда глоткто один и пополам не делится. Отвинтил я крышечку и поднес пузырек к его носу. Он принюхался и — до чего сообразительный оказался — рот раскрыл.

Что было делать? Не скажу, что решился сразу. Было колебание. А потом вспомнил, как этого языка в дивизии ждут... Которую неделю ни одного с нашего участка притащить не могли. А приказ о наступлении вот-вот прийти должен... Короче говоря, устыдился. Потихоньку влил ему остатки. Поперхнулся он, передернуло всего, но совсем другой стал. Сунул ему на закуску последний шматок сала. «Жуй,—говорю,— калории, чертов сын». А сам только слюну сглотнул, как услышал его чавканье.

Не знаю, верно ли говорила потом наша батальонная медицина, что этим глотком и куском я от этого офицера при погонах и железной каске смерть отогнал, но факт тот, что доставил я его в траншею тепленьким.

А сколько-то спустя зашел я к нему в землянку — навестить, пока не отправили. Вижу: сидит нормально. Живой, но хмурый, глазами в колени уставился. Теперь уже не в приказном, а по-доброму спрашиваю: «Штербен нихт?» Он голову поднял, вгляделся, даже как будто с интересом. Я так думаю, что узнал. И первый раз за всю ночь ухмыльнулся. Подтвердил: «Нихт!»

Записал **М. ЛАНСКОЙ.**

г. Ленинград.

Телефонный разговор

Это произошло в конце войны. Наши войска заняли город Бернау, недалеко от Берлина, и командующий армией гвардии генерал-лейтенант Перхорович назначил моего друга лейтенанта Конрада Вольфа временным комендантом города.

Прежде всего комендант должен был как можно скорее найти помещение для штаба, и мы отправились на поиски. Мы — это Конрад, я и капитан Саша Цыганков. Приехав на окраину города, остановили машину возле небольшого дома, который был похож на административное здание и, по нашему мнению, подходил для штаба. На первый взгляд казалось, что дом пуст. Но, проходя по длинному коридору, мы услышали за одной из многочисленных дверей стук пишущей машинки, жужжание арифмометра, неясный шум голосов. Саша снял с плеча автомат и поставил его на боевой взвод. Конрад и я вынули пистолеты. Быстро распахнули дверь и увидели несколько человек в форме унтер-офицеров и офицеров вермахта. Они мирно сидели за канцелярскими столами, что-то писали, считали. Очевидно, это были чиновники какого-то военного учреждения.

Трудно описать наше удивление. Как это вообще могло произойти? Ведь в городе со вчерашнего дня находились советские войска! На лицах немцев можно было прочитать не только крайнее изумление, но и неподдельный ужас. Еще бы: как снег на голову на них свалились трое русских с автоматом и пистолетами. Никто из них даже и не пытался оказать сопротивление. Все они молча и дружно подняли руки. В этот момент из смежной комнаты вышел какой-то высокий мужчина. На кителе были майорские погоны. Чувствовалось, что он здесь главный. Его пухлые, выбритые до синевы щеки посинели от страха еще больше. Он тоже поднял руки.

Оставив пленных на попечение подоспевших автоматчиков, мы прошли с майором в его кабинет. Здесь у нас состоялся разговор, который я воспроизвожу со стенографической точностью.

— Что вы здесь делаете? — спросили мы.

— Это канцелярия армейского интендантства. Мы сегодня начали работу, как обычно...

— Разве вы не знаете, что наши танки еще вчера заняли этот район?

— Вчера мы не работали. Нас привозят на автобусе из Берлина.

— Собирайтесь!

Майор торопливо, но педантично стал складывать бумаги. Руки его дрожали... И вдруг он обратился к нам с просьбой, которая повергла нас в еще большее изумление.

— Разрешите мне доложить вышестоящей инстанции об убытии? — И, поясняя свою мысль, майор указал на телефон.

Майор набрал номер и попросил соединить его с дежурным офицером.

— Капитан Шмидт слушает,— раздался голос в трубке.

— Говорит майор Берендт. Капитан Шмидт, докладываю вам о чрезвычайном происшествии. Наша канцелярия только что занята русской армией...

— Вы что, перепились там? Нас тут Иван обстреливает, а вы пьянствуете...

Саша Цыганков, перехватив трубку, с большим достоинством начал говорить на ломаном немецком языке:

— Говорит капитан Цыганков. А ты...—И Саша послал в трубку несколько крепких слов.

Саша прислушался, словно ждал ответа, но в трубке послышались частые гудки.

Так и закончилась эта история.

В. ГАЛЛ,

старший преподаватель института иностранных языков имени М. Тореза.

Мы можем сообщить в ответ
На шум зверья четвероногого:
Ещё журнал не вышел в свет,
Как свет узнал, что больше нет
Ни зверя: Гитлера, Гиммлера, Геринга, Геббельса, ни логова!

Рисунок на обложке «КРОКОДИЛА» от 10 мая 1945 года.

Золотая уха

Случилось это в самом конце войны. Группа разведчиков, в которой был и я, возвращаясь с задания в тылу врага, наткнулась на засаду. Фашисты преследовали нас всю ночь. Перед рассветом мы вышли к каким-то строениям. В одном из них решили занять круговую оборону. Наседавшие на нас эсэсовцы (все остальные гитлеровские вояки к тому времени разбрелись кто куда) заняли два других здания, поменьше. Утром обнаружилось, что мы находимся в господском доме богатого имения. Фашисты заняли два флигеля, окружив нас. Обидно, конечно, отсиживаться в обороне, когда вся армия наступает и до победы рукой подать, но что делать? Враг и высунуться не дает из дома, а гарнизон нашей крепости всего ничего — семь человек.

День сидим. Второй. Еды ни крошки. Жажда одолевает. На третью ночь решили сделать вылазку за водой. Тут надо сказать, что как раз напротив нашего убежища виднелся фонтан. Фонтан, естественно, не работал, но в его бассейне сохранилась вода, и это было единственное место, откуда мы ее могли попытаться добыть.

Вызвался достать воду, как сейчас помню, Вася Комаров, парень из города Кирова. Взял он пару котелков и пополз к фонтану. Мы же изготовились в случае чего прикрыть товарища огнем. Но все обошлось. Появляется Вася с двумя полными котелками и докладывает:

— В бассейне золотые рыбы плавают. Здоровенные — не поверите! По полкило каждая, а может, и побольше... Вот бы в уху их!

За трое суток мы к голоду притерпелись, а тут, как услыхали про уху, слюнки потекли. Только как их возьмешь, рыб этих?

Стали думать. Кто-то предложил гранатой жахнуть. Пустое — фашисты собрать не дадут. Опять же Вася Комаров предложил:

— Где-то в доме видел я удочки. Попробовать бы...

Тут, ясное дело, все в мою сторону посмотрели, ибо за четыре года я столько рыбацких историй рассказал, что в нашей разведроте меня считали если не чемпионом мира по рыболовству, то уж чемпионом Европы точно!

Осмотрел я удочки. Удилища крепкие, бамбуковые, выкрашенные в зеленый цвет. Лески по тем временам прочнейшие. И оснащены удочки искусственными мушками. Но золотую-то рыбку на мушку не поймаешь! Ей хлеб, червя, опарыша, на худой конец муравья подавай. Ладно, придумаю что-нибудь на месте. Прихватил сумку от противогаза и пополз к фонтану. У фонтана спрятался за кустом и стал наблюдать. Время от времени круги по воде. Есть рыба! Сперва решил на мушку попробовать. Бесшумно забросил и потянул приманку на себя. Хвать! Попалась, голубушка... Я поймал вторую, потом третью. Они, видно, здорово оголодали, и поэтому брали жадно, взаглот. Трудность состояла в том, чтобы не дать добыче расшуметься, всплеснуть хвостом. Я вырывал рыб из воды, как самый последний мальчишка - новичок, и швырял их через голову. Я наловил целую сумку и благополучно возвратился к своим. В подвале дома мы развели костер и сварили уху. О, какая это была прелесть! Ни одна окуневая или ершовая уха, которых с тех пор приготовил я множество, не пойдет ни в какое сравнение с той, военной, сваренной в двух солдатских котелках в ночь на девятое мая сорок пятого года.

Утром окружавшие нас фашисты выбросили белый флаг — гитлеровская Германия капитулировала. Мы салютовали победе из всего наличного оружия. А потом я подвел Васю Комарова к фонтану.

— Сразу видно, что ты не рыбак и никогда им не станешь,— назидательно сказал я.— Более того, ты типичный околорыболовный враль. Ну посмотри, где ты видишь хотя бы одну полукилограммовую золотую рыбину?! Даже та, самая крупная, пойманная мной ночью, никак не потянет больше чем на полфунта. А ведь для нас, спортсменов, объективность прежде всего!

Пересказал со слов друга-фронтовика

И. ЧЕРВЯКОВ.

И. ОГЛОБЛИН

История с миной

Сейчас, спустя тридцать лет, эта история может вызвать улыбку, а тогда я лежал в полевом госпитале, километрах в трех от места происшествия, и нам было не до смеха.

Собственно, что произошло? На околице колхоза «Гром революции» упала мина. И не взорвалась. Положение сразу стало взрывоопасным. Во-первых, потому, что вокруг нее бегали любопытные ребятишки, а некоторые даже присаживались на корточки и тыкали в нее пальцем, а, во-вторых, мине вообще не полагается лежать возле населенного пункта.

Правление колхоза поставило около этой мины деда Мокея, а само принялось заседать, чтобы решить, что с этой миной делать. Вопрос был серьезный, и правление заседало без передышки. Ну, значит, идет дискуссия, выступают ораторы, и вдруг вваливается дед Мокей. Председатель колхоза сразу остановил обсуждение и спрашивает: «Ты, говорит, дед, чего? Кого у мины заместо себя оставил?» «А никого»,— говорит дед Мокей. «Как так? — удивляется председатель.— А ежели кто на этой мине взорвется? Кто будет отвечать?» «Не взорвется»,—машет дед Мокей. «Ты, дед, не мели, а шагом арш назад и стой на карауле!» «Сейчас не шашнадцатый год,— говорит дед Мокей,— когда я был мобилизованный солдат. Сейчас я вчистую освобожден, так что ты, председатель, надо мной не командуй!» «Что с ним рассуждать,— сердится кто-то из членов правления. — Поставить другого — и делу конец!» «А кого поставить? — говорит председатель.—Мне, что ли, самому пойти? Остальные ж все бабы. А бабам при мине быть не полагается». «Может, Яремея поставить?» — говорит другой член правления. «Яремей до мины не дойдет». «А может, дойдет?» «Не, не дойдет». «Ты вот что,— говорит председатель Мокею,— давай, дедушка, вертай назад, а мы тут сейчас что-нибудь придумаем». «Чего вертать,— говорит дед Мокей,— я и тут посторожу». «Нет, дед, надо быть при мине». «А я при мине и есть»,— говорит дед Мокей. «Как так?» — спрашивает председатель. «Так мина-то под крыльцом. Я ее сюда доставил».

Что тут только было! Сигали во все четыре окошка. Председатель первым вышиб раму. За минуту всех, как ветром, сдуло.

Дед Мокей взял мину и понес ее обратно. «Куда пошел-то?» — крикнули из дома. «На дежурство! — отвечал дед.— С вами тут, едрена корень, очумеешь!»

Председатель с членами правления прибыли к нам в госпиталь через пятнадцать минут. «Саперы есть?» — крикнул он, глотая воздух. Мы молчим, потому как вроде не было среди нас таких специалистов. И вдруг в углу сверток из бинтов говорит: «Я сапер! Что надо?» «Миленький! — закричали члены правления.— Выручай! Помоги, сделай милость!» «И рад бы,— говорит сверток,— да я не в боевой форме». «И чего только с нами будет, чего будет? — голосят члены правления.— Как дед прикурнет, непременно всех ребятишек на воздух подымет!»

Вася Балалайкин (а это он был в свертке) послушал их и говорит: «Я, конечно, мог бы отвинтить взрыватель, только как мне к этой мине подобраться?» Председатель говорит: «Это мы враз устроим. Сейчас выбью машину, и мы тебя прямо к самой мине доставим!»

Но тут его чудесный план ломает главный врач. «Какие машины? Какой сапер? — восклицает он в негодовании.— Вы что? Не того?» Председатель начинает объяснять обстановку: мол, этот бедовый дед не только колхоз, но и госпиталь подорвет к чертовой бабушке! «Вы мне тут шарики не закручивайте! — кричит главный врач.—Как это можно одной миной подорвать два объекта? А если у вас есть такой ненормальный старик, так замените его на другого!» «В таком разе,— говорит председатель чуть не плача,— дайте нам хоть носилки. Мы вашего сапера до мины на руках донесем». «Никаких носилок! — решительно отрезает главный врач.— Сами эту мину подобрали, сами с ней и разделывайтесь! А я рисковать личным составом не намерен!»

Что делать? Председатель на себе чуть волосы не рвет. Члены правления откровенно рыдают. Ну, и мы, конечно, всей палатой им сочувствуем.

«И где теперь этот Мокей с миной? — сморкается в платок один из членов правления.— Так бы его и пристукнул!» «Очень может быть, что за нами увязался,— говорит другой член. «И с миной?» «А чего ему ходить без мины? Он теперь везде будет с миной шляться!» Тут подслеповатая тетка Пелагея глянула в окно да как вскрикнет: «Ой, кажись, он идет!»

«Вот что, братцы,—говорит главный врач чересчур поспешно.— Забирайте сапера и мотайте отсюда! Чтобы духа вашего не было!»

Вот и все. Сапер Вася Балалайкин благополучно обезвредил мину. А дед Мокей, как ему и было приказано, стоял на карауле.

«КРОКОДИЛ» СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИТ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРИСЛАВШИХ ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ СВОИ ФРОНТОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Ал. СЛАВГОРОДСКИЙ

ПРИЗРАКИ В ЗАДНЕЙ КОМНАТЕ

В задней комнате одного из кафе в Лионе, тщательно отгороженной от главного зала, собрался разношерстный народ. Мелькали вперемешку голубые рубашки испанских фалангистов, австрийские «зеленые блузы», строгие смокинги англичан — сподвижников Мосли из лондонского «Монди клаб». В коричневой кожаной куртке пришел Г. Х. фон Шуберт — бывший сотрудник Геббельса. Больше всего, однако, было простых черных итальянских рубах...

Одни молча вливали в себя вино, другие оглушительно стучали пивными кружками, третьи хрипло спорили. Было пьяно и шумно.

Сообщив здоровенному детине у дверей пароль, в заднюю комнату входили новые люди и рассаживались за столами, составленными в форме свастики. Завершался очередной международный слет организации «Новый европейский порядок».

— Господа! Мсье! Синьоры! — перекрикивая шум, надрывался герр из Мюнхена.— Тише! Призываю вас к порядку! Порядок и традиции!..

Услышав знакомые слова, участники заседания постепенно успокоились.

— Господа! — продолжал председательствующий.— Я понимаю ваше раздражение. Нервы у всех расшатаны... Мы собрались в нерадостные дни. Увы, 30 лет назад... Впрочем, вы сами все знаете... Но наше дело не погибло. Как любит повторять у нас в Баварии одна сильная личность, кстати, счастливо бежавшая из-под Сталинграда,— «Тогда победили они, в следующий раз победим мы!»

— А когда? — бестактно спросил молодой чернорубашечник. На него зашикали.

— Господа! На нашем съезде мы уже обсудили все вопросы. Сейчас надо быстро принять решения и сматываться отсюда. Хозяин кафе предупредил, что выгонит нас через полтора часа.

— Предатель! — раздались крики.— К стенке его! На виселицу! Взорвать вместе с его вонючей лавочкой!..— Почетный гость из Аргентины привычно потянулся к автомату, некое лицо в чулке, натянутом до подбородка, отстегнуло от пояса гранату...

— Спокойствие, господа, спокойствие! Хозяин — наш человек, преданный высоким идеалам фашизма. Он печется о нашем же благе. Боюсь, что о нашем съезде уже пронюхали в городе... А эти проклятые лягушатники... пардон! — французы...

— Что ты сказал, швабская морда?! — сорвался с места человек в пятнистой накидке ОАС, извлекая из помятого портфеля пластиковую бомбу в виде популярной книжонки «Прочти и взорви»...

— Баста! Прекратить балаган! — заорал, вскочив на стол, черный синьор с рукой на перевязи.— Слушать меня! Я Тути!

Сборище почтительно умолкло.

— Я Марио Тути! — продолжал черный.— Пока вы здесь занимаетесь грызней и болтовней, наши коллеги ежеминутно рискуют жизнью, стреляя, похищая людей, поджигая поезда, вокзалы и банки! Я сам, чтобы поспеть из Эмполи в Лион на этот съезд, застрелил двоих — бригадира карабинеров и старшего капрала.

— Да, мы знаем об этом! Браво, Тути! — зашумели вокруг.

— Не вижу повода для энтузиазма,— сквозь зубы процедил Герхард Хартмут фон Шуберт.— Наш враг не полиция и не карабинеры. Наш враг — коммунисты, все «красные» и даже «розовые»... Их надо убивать! Убивать повсюду! Где только можно! Мое агентство «Паладин» будет этим занима... постоя...

Фон Шуберт захрипел, зашелся в кашле, на губах у него показалась пена... Его помощник, усадив старика в кресло, раздал собравшимся листовки-объявления и зачитал вслух:

«ОПАСНОСТЬ НЕ ПРЕПЯТСТВИЕ! Группа «Паладин» выполняет ВАШИ ЗАКАЗЫ в национальном и международном масштабах, в том числе за железным и бамбуковым занавесом. Конфиденциальность гарантируется. В Вашем распоряжении разносторонние специалисты, прошедшие полную подготовку и желающие отправиться на любой край света, чтобы выполнить Ваш заказ. Тайна заказов и ответов полностью гарантируется и никогда не станет известной посторонним. Обращаться: группа «Паладин» через доктора Г. Х. фон Шуберта. «Эль Панорама», Де Альбуфурете, Аликанте, Испания».

— Я специалист! Желаю отправиться на задание!

— И я! Взрываю отели и спальные вагоны прямого сообщения.

— И мы! Похищаем слишком любопытных журналистов прямо из редакций и увозим в багажниках!— послышались возбужденные голоса.

С места поднялся высокий, плечистый блондин с бегающим взглядом — француз Герэн-Серак.

— Конечно, конечно, вашим «паладинам» в Испании, в Аликанте, живется неплохо. Для вас там и впрямь «опасность не препятствие»! Если что — вы под крылышком каудильо. Фирма процветает. Пока!.. Но ведь и у меня еще недавно было свое агентство — в Португалии мы свили уютное гнездышко. «Ажинтер пресс» именовалась моя контора. А какая солидная крыша была — Салазар, Каэтану... Титаны! И какие мы проворачивали дела! Забыли, как приезжали ко мне за инструкциями в Лиссабон, на улицу Прашас, 13?!.

— Чертова дюжина, несчастливое число! — перекрестился кто-то в черной сутане.— Надо было выбирать дом под другим номером!

— А может, и улицу? Или город?!

— Да, вот и у нас все пошло прахом,— поддакнул Герэн-Сераку черный подполковник из Афин.

В задней комнате снова поднялся гвалт, прекратившийся лишь по команде невзрачного человека, похожего на школьного учителя, каковым он и служит в Лозанне.

— Мсье Амодрюз! Слушаем вас...

— Сначала споем нашу, любимую,— предложил лидер «Нового европейского порядка» и первым затянул «Хорста Весселя». Собравшиеся подхватили.

— Я буду краток,— заговорил наконец Гастон Арман Амодрюз, вглядываясь в просветленные, порозовевшие после нацистского гимна лица единомышленников.— Времени мало, а нам нужно принять три решения. Читаю. Первое: «Срочно оказать помощь нашим португальским, итальянским и греческим друзьям, которые стали жертвой жестоких репрессий». Все согласны?

— Да! Да!..

— Второе: «Устрашать бомбами антифашистов. Повсеместно усилить террористические акты. Создавать атмосферу напряженности и насилия!»

— Принято!

— И третье: «Печальное событие, которое произошло 30 лет назад, а именно поражение «тысячелетнего рейха», предлагаю считать недействительным. Ничто не заставит нас прекратить борьбу! Мы создадим новый, IV тысячелетний рейх!»

— Зиг хайль! Хайль! Хайль! — проревело девяносто глоток.

— А теперь, господа, по домам! И за дело! Указания будете получать обычным путем.

...Когда всякая мелочь и шушера разошлась, в задней комнате остался лишь десяток представителей самых надежных и проверенных групп: «Черный порядок», «Баллила динамит», «Фашистские активисты Италии», «Муссолини-8», «Ангелы-мстители», «Всегда», «Паладин», «Боевое сообщество немецкого национал-социализма», «Ницше», «Оксидан», «Внимание!»...

Специально приглашенный профессор оккультных наук провел для избранных спиритический сеанс. После долгого столовращения в свете одинокой свечи собравшимся явился сам Герман Геринг. К нему наперебой обращались с вопросами:

— Как возродить силу фашизма?

— Когда придет новый фюрер?

— Как победить коммунизм?..

В ответ дух рейхсмаршала хрипел что-то непонятное, невразумительное.

— Ответь! Ответь нам! — заклинал профессор.

— Не м-м... Горло... Петля... Нюрнберг...— вдруг явственно промолвил дух.

И главари «черного интернационала» в неверных бликах свечи разглядели столб с перекладиной.

— Виселица! — первым догадался Герэн-Серак и бросился прочь.

Секундой позже за ним, сшибая стулья, уже бежали остальные.

Нехорошо получилось... Дух толстого Германа подвел своих наследников и преемников.

P. S. Все приведенные имена и фамилии, названия неофашистских организаций и выписки из их решений полностью соответствуют действительности, как и факт проведения в Лионе (в задней комнате одного из кафе) в декабре 1974 года и марте 1975 года очередных международных слетов «Нового европейского порядка». Единственное, что автор позволил себе досочинить,— впрочем, вполне в духе тех же фактов,— это сеанс спиритизма.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Бранко ЧОПИЧ (Югославия)

Гранатометчики

На небе над городом, вздрагивающим от грохота битвы, сквозь клубы дыма пробивается румянец вечерней зари.

Из окруженного города все яростней ведут огонь предатели усташи, превратившие каждый дом в укрепленный бункер.

В полуразрушенное снарядом здание на окраине, где разместился штаб одной из партизанских бригад, сквозь дыру в стене протиснулся пожилой долговязый командир Микан. Заикаясь от волнения, он костит все на свете:

— И отк-куда, приснись им черт рогатый, у них появилось столько артиллерии?! — ворчит он.

— Откуда бы ни взялась, нужно ее немедленно ликвидировать! — спокойно отвечает командир бригады.— Для того мы тебя и вызвали. Одна группа должна пробраться к медресе и уничтожить тяжелые пулеметы. Там их три, а может, и больше... Итак, первый объект — медресе.

— А что это такое за медреса? — разинул рот Микан.

— Ну как тебе, брат, объяснить... Медресе — это дом, где учатся будущие мусульманские попы.

— Вот ведь черти!.. Учатся?.. А где эта самая... как ты сказал?.. Миндера, что ли?..

— Медресе! Запомни ты наконец!.. Это дом в конце аллеи.

— В конце чего?

— Тьфу ты! Аллея — это улица, обсаженная деревьями!..

— Так бы ты и говорил,— обрадовался Микан.

— Вторую группу пошлешь прямо на музей. Там у них, за музеем, батарея стоит.

— Как ты сказал? Му... Муз...

— Музей, братец!.. Музей — это дом, где хранятся разные старинные вещи...

— А, это где старье разное скупают?.. Бывал я в таких лавках.

Командир бригады начал терять терпение:

— Ох, Микан, Микан, как хочешь, а только закончится война, ты у меня сразу же в школу пойдешь!.. Не будет тебе ни женитьбы, ни службы! Только — школа! Самое меньшее на четыре года! А пока иди, выполняй задание!..

...Микан пролезает в ту же дыру в стене на улицу. Сумрак сгущается.

В разбитом магазине Микан дает задание рослому чубатому парню, командиру группы гранатометчиков.

— Там вот, слышь, эта, как ее... медреса. Проще говоря, такой дом, где из крайнего окна тяжелый пулемет строчит... Возьмешь бутылку с бензином, чиркнешь спичку, подожжешь вот эту тряпку и — влупишь бутылку прямо в окно!.. Это будет лучше, чем граната! Понятно?

Парень уставился на бутылку, как на последнее чудо техники.

— Понятно... Только я, дядя Микан, спичкой-то ни разу в жизни не чиркал... Не умею я...

— Да ты не куришь, что ли?

— Не... Не курю...

— А как же ты дома огонь разжигаешь?

— А от угольков... Мы завсегда в печи с вечера немного жару оставляем... А если погаснет — утром к соседям идем... За головешкой...

— За головешкой! — вздыхает укоризненно Микан.— Что мне с тобой делать!.. Иди сюда в уголок, покажу тебе, как спички зажигать...

В толстых, огрубевших пальцах парня одна за другой ломаются драгоценные спички, а Микан сердито ворчит:

— Эх, Джукан, Джукан, как только кончится война, ты у меня, братец, никуда не денешься — прямо в школу!.. Ни женитьбы тебе, ни другого безделья — только в школу!.. По меньшей мере на четыре года!..

Парень слушает его и добродушно бубнит:

— Эх, дожить бы мне только до этой самой школы!..

Перевел с сербскохорватского Г. КОФМАН.

АНЕКДОТЫ ТЕХ ЛЕТ

В Берлине приговорен к смерти и казнен имперский портной за то, что на вопрос фюрера, какой материал на костюм ему больше всего подходит, ответил:

— Для вас, мой фюрер, сейчас лучше всего — в клетку.

●

Учитель.— Ганс Штольц, проспрягайте мне глагол «бежать».

Ганс.— Я бегу, ты бежишь, он бежит, мы бежим, вы бежите...

Учитель.— А они!

Ганс.— Они наступают, господин учитель.

●

Два солдата вермахта в окопах под Берлином уныло беседуют:

— Скажи, Курт, что осталось от нашей непобедимости!

— Одно, Карл: непобедимое желание сдаться!

●

Нацистские солдаты ездили по улицам Праги, не соблюдая никаких правил. Это стоило многим чехам жизни. Городские власти решили на особо опасных местах огородить тротуары металлическими барьерами. Когда начали их устанавливать, один прохожий спросил рабочих, что они делают.

— Как что! — ответил с улыбкой рабочий.— Когда придут в Прагу казаки, надо же им будет к чему-то привязывать своих коней!

●

— Фашисты применили на Восточном фронте самолеты новейшей конструкции. Скорость та же, а бензина потребляют вдвое меньше, чем старые.

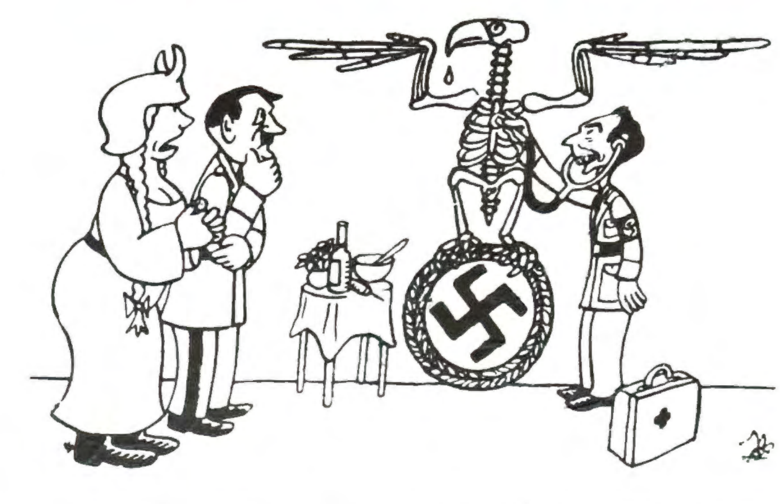
— Как так!

— Очень просто: ведь они летают только туда...

●

Вскоре после открытия второго фронта два гитлеровских солдата поспорили, где крепче «немецкое солдатское товарищество» — на Востоке или на Западе. Пари выиграл солдат с Восточного фронта.

— Друг мой,— сказал он,— такого товарищества, как у нас, нигде больше нет. Уходит, скажем, солдат в двухдневный отпуск, возвращается, а ему навстречу бежит вся армия.

ГЕББЕЛЬС: — Мой фюрер, у нашего орла по-прежнему железное здоровье.

Рисунок Жана ЭФФЕЛЯ. Франция. 1944 г.

ЧЕЛКАШ (Болгария)

Конец

В начале августа 1944-го в поведении владельца «Болгарского частного банка» Аспаруха Билмезова неожиданно стали появляться тревожные признаки умственного расстройства. Он развесил по стенам своей квартиры тридцать портретов фюрера в различных позах, а в углу соорудил нечто вроде иконостаса — прибил вокруг портрета флажки со свастиками.

Едва встав с постели, он обходил портреты, вставал перед каждым по стойке «смирно» и мычал с немецким акцентом: «Зиг хайль! Победа за нами!» Затем деревянной походкой отправлялся к иконостасу и, опустившись на колени, с зажженной свечой в руках произносил бессвязные молитвы. Остальную часть дня он проводил у телефона. Звонил в министерство внутренних дел, в полицейское управление и поочередно во все ежедневные газеты.

— Хайль! — кричал в трубку Билмезов.— Победа обеспечена?

— Полностью обеспечена, господин Билмезов! — отвечал ему раздраженный голос.— Будьте спокойны!

— А как идет тотальная мобилизация?

— Как по маслу. Будьте спокойны.

Толстое лицо Билмезова расцветало от счастья.

Скоро, однако, телефонные разговоры перестали приносить ему желаемое успокоение. Он начертил схему нового орудия-вакуума. Огромная воронка этого орудия должна была всосать всех красноармейцев и коммунистов и отправить их в машину по производству брикетов.

Но Билмезову не удалось осуществить свой проект, так как его растревоженная жена созвала консилиум врачей.

— Полная изоляция от внешнего мира, не читать газет и не слушать радио,— вынесли приговор лекари и прописали прохладные ванны, пилюли, микстуры, порошки и компрессы.

Стратега вывезли из Софии.

Попав на строгий лечебный режим в уединенной вилле, Билмезов повеселел. Он надел короткие штанишки с тирольскими подтяжками и целыми днями запускал бумажного змея со свастикой. Так прошел знойный месяц август.

Вечером 8 сентября, предприняв хитрый маневр, Билмезов сумел удрать с виллы и сел на софийский поезд. Рано утром на следующий день он уже стоял на перроне столичного вокзала. Софийский воздух подействовал на него освежающе. Бодрым шагом он добрался до будки вокзального телефона-автомата.

— Алло, министерство внутренних дел? — загремел он.— Говорит Билмезов. Как обстоят дела с окончательной победой?

— Победа уже завоевана, гражданин.

— Господи! Неужели?

— Вы что, еще спите, гражданин? Выходите на улицу, присоединяйтесь к нам!

Билмезов выскочил на улицу, но уже через две минуты забился в будку телефона-автомата и лихорадочно набрал номер полицейского управления.

— Алло, господин начальник, на площади перед вокзалом демонстрация. Они кричат: «Да здравствует Советская Армия!»

— Очень правильно кричат.

— Шутки в сторону! У многих из них автоматы.

— А вы что думали, что партизаны спустятся с гор с пустыми руками?

— Партизаны?!

Билмезов уронил трубку и растерянно сполз на пол. Перед глазами поплыли темные круги...

Он с трудом пробирался среди шумной и радостной толпы, растрепанный, растерянный, в холодном поту. Наконец он решился спросить:

— Объясните, пожалуйста, где это я нахожусь?

— В Софии, гражданин. В Болгарии.

Билмезов взъерошил волосы и крикнул:

— Неправда! Это не моя София! Не моя Болгария! Я уйду отсюда!

— Куда же ты пойдешь?

— В Дойчланд юбер аллес!

— А в народный суд не хочешь? — спросил сердитый голос из толпы.

Услышав слова «народный суд», Билмезов проворно заполз в ближайший подъезд и забился под лестницу.

А за его спиной улица сотрясалась от восторженных криков и песен.

Перевела В. СЕДЫХ.

WAS

Сводка главной квартиры фюрера: «Части вермахта продолжают двигаться на Восток»...

Рисунок Анджея ВИЛЛА. Польша, 1942 г.

КРОКОДИЛ

№ 13 (2131)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали М. Вайсборд, В. Жаринов, Ю. Узбяков, М. Ушац, Ю. Черепанов.

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 15/IV 1975 г. А 00826. Подписано к печати 25/IV 1975 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 508 550). Изд. № 1060. Заказ № 519.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

